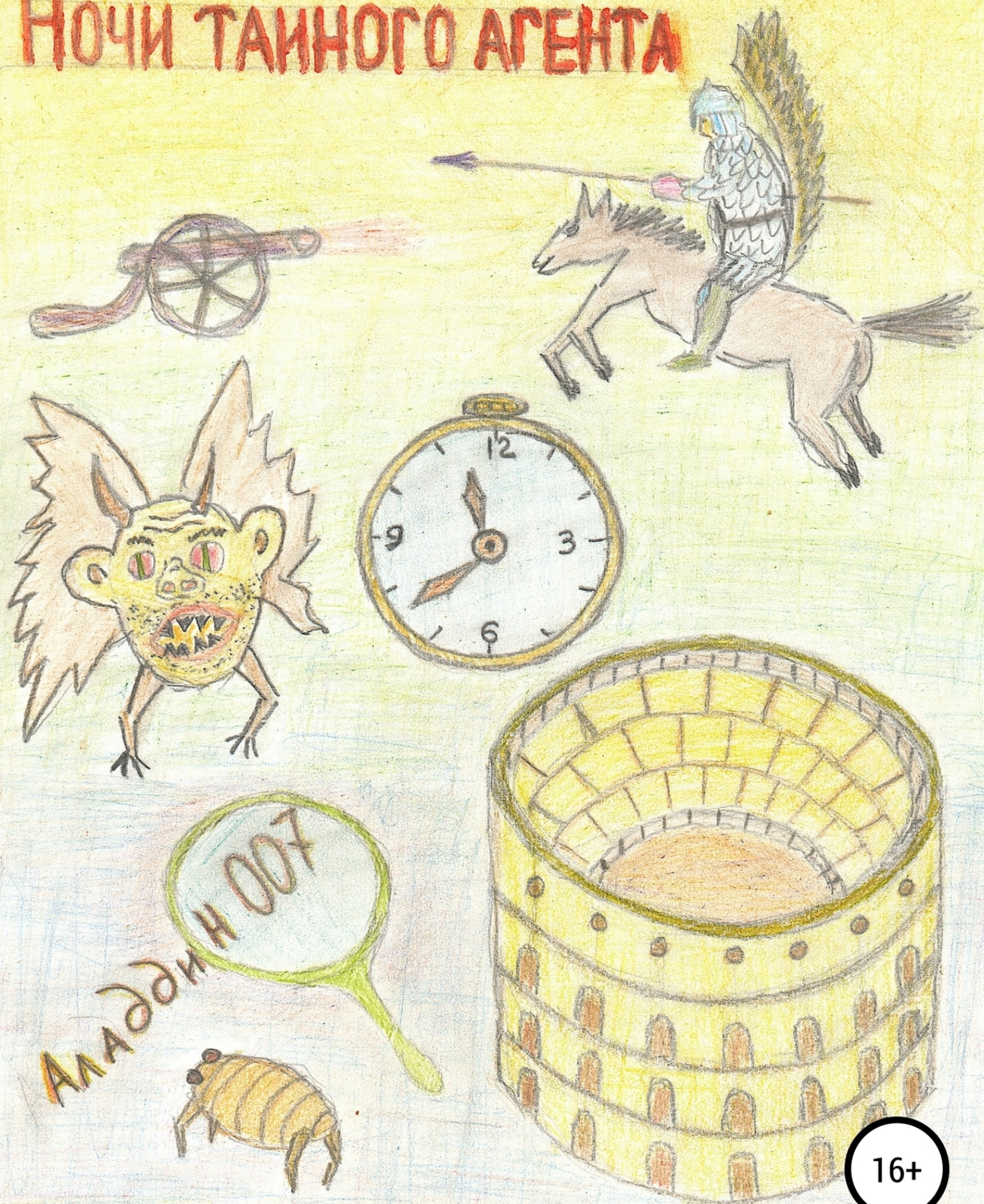

Г.И.Киселёв

Ночи тайного агента

Киселев Георгий

Ночи тайного агента

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Георгий К. И.

Ночи тайного агента / К. И. Георгий — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Персонажи настоящей книги в основном занимаются расследованием преступлений, детективной работой, но в нереальных фантастических ситуациях. Один из героев гонится за преступником в разных веках и странах. Другой ищет преступников на далеких планетах галактики со «свихнувшейся» цивилизацией. Иные герои, надеюсь, тоже окунут в мир приключений, не дадут скучать. Приятного чтения.

Содержание

От автора	5
«Аладдин» № 007	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

От автора

Эта книга, как и предыдущие относится к жанру фантастики, но я бы не решился к при-
ставке научная либо сказочная, правда эти понятия чуточку сохранились. Мне кажется, для
новой книги больше подходит детективно-приключенческое определение. Надеюсь, вам будет
не скучно увидеть моих героев достойно прошедших испытания в веках и на удивительных
планетах.

2018г.

«Аладдин» № 007

В день нашей смерти приходит ветер, чтобы стереть следы наших ног. Если бы это было не так, было бы, будто мы еще живы. Поэтому приходит ветер стереть следы наших ног...

(из песни бушменов).

Предки.

– Я, по дороге из Варшавы, специально дал небольшой крюк, передать вам привет от генерала Домбровского.

– Не раз мы с ним были в бою рядом...

– Сейчас он организует оборону Варшавы. Все рвутся утопить в крови восстание: пруссаки, австрийцы, русские. Особенно зверствует Суворов, его солдаты несут по городам и селам на штыках детей. Мол вы будете бунтовать, то и ваших словно букашек наколем.

Статный седой пан со свежим шрамом на левой щеке и рукой на перевязи нервно обернулся на дверь, сквозь которую пробивался слабый писк.

– Жена рождает, первенца, – объяснил он странные звуки.

Пан, прихрамывая, подошел к инкрустированному столу в центре большого зала и налил в бокалы красного вина.

– Располагайтесь, – он указал на уютное кресло, пододвигая ко мне бокал, и добавил слуге, топтавшемуся у порога. – Приготовьте пану...

Хозяин внимательно на меня посмотрел, надеясь на подсказку. Как он ни старался быть внимательным к гостю, но его словно не было со мной. Он помимо воли старался не упустить ни звука за дверью роженицы. И, несомненно, не слышал, как слуга представил меня несколько минут назад.

– Тадеуш, – еще раз представился я.

– Пану Тадеушу обед подай побыстрее, видишь, он наверняка голоден с дороги и согрей комнату, – хозяин усадьбы вновь обернулся ко мне. – Ведь вы не откажете старику в рассказе о последних новостях. У нас места глухие. Скорее зубр или медведь забредут, чем такой высокородный пан, как вы.

Я рассказывал последние политические и военные новости, к сожалению, неутешительные. А хозяин вспомнил победу под Рославицами, тогда он получил ранения, а Костюшко жезл генералиссимуса. Он сожалел, что не может сейчас поддержать Домбровского, рука саблю не удержит. Он левой подливал вина и рассуждал о судьбе многострадальной родины.

Я знай себе, прихлебывая из бокала, изредка вставляя пару фраз в монолог гостеприимного хозяина, с интересом анализируя его и свое родовое гнездо.

Если бы этот седой пан только знал, что я его потомок, что меж нами лежат века. Впрочем, раскрывать свое истинное лицо не входит в мои планы даже перед родным человеком. Табу. Наблюдатель, путешественник, разведчик из будущего, называйте, как хотите, обязан скрывать из какого он времени на самом деле. А иначе столько пространственно-временных парадоксов неминуемо наплодишь...

Меня с детства увлекали загадки прошлого, не удивителен выбор профессии историка. Но больше всего свербели во мне загадки своего рода, особенно сказочная судьба моего прапра-... деда, который, скорее всего и пищал из-за двери. Который едва выжил младенцем, но в итоге оказался долгожителем-рекордсменом.

Дверь открылась. На пороге стоял встревоженный старичок, протирая ручником пальцы. На белом полотне оставались алые пятна. Он уводил глаза в сторону и едва из себя выдавил:

– Пан Иосиф...

– Ну, не тяни.

– Пани Мария родила без осложнений, но... – старичок споткнулся на фразе, повисла тревожная пауза, но он собрался с духом и продолжил: – Мальчик родился совсем слабенький, зовите священника, не жалец он. И не медлите, как бы не остался не крещеным.

Иосиф побледнел, глотнул добрых пол бокала и рявкнул: – Антось!

На пороге мигом появился все тот же слуга.

– Немедленно запрягай, скачи за попом к униатам.

Слуга недоуменно посмотрел на хозяина. Он-то знал, что по закону майората в роду Пиотухов наследство переходит старшему мальчишке, но, если он католик. Почему новорожденного лишают наследства, чем он успел провиниться?!

– Лучше православным помереть, чем нехристом. Поп ближе, а пока до ксендза доберешься, так сын успеет Богу душу отдать. – Ответил на немой вопрос пан Иосиф.

Хозяин вернулся к столу и добавил мне:

– Вы уж меня извините, сами видите...

Оправдания моего древнего предка прервала молодая служанка с подносом, заставленным дымящимся аппетитным угощением.

Мы опять остались одни. Предок почти не ел, волновался за малыша. Я-то был уверен: не может мой прародитель умереть, не оставив потомков, как иначе появлюсь я?

Я с интересом оглядывался. Родовое гнездо Пиотухов оказалось совсем не бедным. Пол – мозаичный паркет. Стены драпированы тканью. Под потолком хрустальная люстра с множеством свечей. И везде на стенах оружие: сабли, пистолеты, ружья.... А на самом видном месте красовалось вооружение летучего гусара. Такие были лишь в Польше и Литве. Правда и они немного отличались. У польского гусара грудь защищали пластины, а литовского воина предохранял панцирь. Панцирь на стене и шлем не только украшали гостиную, на них остались характерные вмятины от оружия врага. Но их хоть сейчас надень и в бой. Особенно впечатляли крылья. Я сразу представил хозяина в амуниции под крыльями и на быстром коне – летучая смерть. Врагам такого воина не позавидуешь. Но крылья имели не только психологический эффект, а еще защищали от ордынского аркана. А именно Орда с ее передовым отрядом Московией (Ордой Залеской) и была главным врагом Литвы и моих предков. Почти на пол длины стены висело огромное, в пять метров копьё. Говорят, с разгона гусар мог насквозь пробить таким копьём врага в самых тяжелых доспехах.

– Клянусь, пан Тадеуш, перед Богом клянусь, – Иосиф перекрестился, глядя на закатное светило. – Если выживет младенец, то будет защитником родины. Воспитаю искуснейшим воином. До своего последнего часа клинок не выпустит.

Я понимал предка, ведь его родина обречена, ей не выстоять. Но воин никогда не сдаётся. И он готов был положить даже жизнь первенца на алтарь свободы отечества. Интересно, если бы он знал будущее, то переменял бы свое решение?

После еще одного бокала, без стука, вошел слуга с безбородым попом в черной рясе.

Иосиф, молча, указал попу на дверь, и мы все вошли в комнату роженицы. Она лежала под одеялом. Бесконечно уставшая, бледная, печальная и одновременно прекрасная и любимая, моя прародительница.

Малыша взяли из колыбельки, и священник приступил к таинству крещения.

У меня на пальце всегда одет перстень, сверхсекретная разработка моего времени. Он перенес меня в этот бурный конец 18 века, в 1794 год, он сверхмощный компьютер, моя дополнительная память, прибор способный усилить мое восприятие и многое другое ему по плечу. Чем не джинн из восточной сказки? Только могущественный дух скрывался не в лампе Аладдина, а в скромном на вид колечке. Неудивительно, что серия таких украшений получила маркировку «Аладдин». Мое изделие шло под № 007.

Когда поп завершил свой ритуал, то я тоже успел диагностировать своего новорожденного предка. Не будь почти всемогущего «Аладдина», жить младенцу осталось бы не больше

получаса. А по семейному преданию, он должен попасть в Царство Мертвых на 124 году жизни. И по тому же преданию он родился едва живой. Первая часть семейной хроники сбылась, но мне больше нравилась вторая, история долгожителя.

– Пан Пиотух, – обратился к отцу младенца. – Я смогу его вылечить.

– Вы?!

– Я учился в университетах Кракова и Падуи. Необходимо немедленно оказать помощь, малыш вот-вот умрет.

Пан Иосиф глянул на лекаря. Тот беспомощно развел руки.

– Ну что же, лечите пан Тадеуш. Теперь его жизнь в ваших руках и Господа.

Я склонился над посиневшим и задыхающимся тельцем, скрывая свои манипуляции от окружающих. Незаметно ввел внутримышечно инъекцию.

Натужное дыхание успокоилось, сердечко стало работать без сбоев.

Я передал малыша на руки лекаря.

– Он будет жить. Потребуется лишь обычный уход.

– Что вы с ним сделали?! – лекарь смотрел на ребенка, словно на чудо Господа Бога. А на меня выпучил глазницы, как будто узрел Творца или, по крайней мере, одного из его ангелов. Его глаза жадно просили ответ.

– Секрет, – кратко отрубил излишнее любопытство.

И лекарь сдержал назревшую лавину вопросов.

Конечно, дать жизнь умирающему, значит преступно вмешаться в ход времени, создать парадокс. Но дать умереть своему предку, не оставив потомства, еще больший парадокс. По крайней мере, я выбрал зло, не ставящее под сомнение мое существование. Своя рубашка ближе к телу. Помимо того я не собирался оставлять в отчете это вопиющее нарушение правил поведения во Времени.

Повстанцы.

Лишь проскакал за ворота усадьбы Пиотухов, свернул в рощицу и дал новое задание кольцу – моей палочке-выручалочке. Мое кольцо значилось в лаборатории под инвентарным номером № 007. А всего их было на всем свете 30 штук. Соответственно погружалось в Историю 30 подобных мне исследователей, еще в лаборатории работало несколько спецов по физике времени. Вот и весь наш засекреченный, даже в мое время, штат.

Кольцо сразу среагировало на приказ агента 007 (меня не раз приятели в шутку называли из-за номера кольца Джеймсом Бондом) и перенесло в ту же рощицу, но на полвека спустя, в беспокойные тридцатые годы 19 века, из одного восстания перелетел в другое.

Здесь я должен выследить и вернуть в мое время беглого сумасшедшего. Так что на сей раз я впервые в истории лаборатории не наблюдатель, а именно агент. Чем не Джеймс Бонд?! Но одновременно хотел проследить за своим предком, которого я вчера или полвека назад вылечил. Все зависит от того, как считать время. Так вот, во мне зудело смутное подозрение, что без еще одного парадокса он вряд ли выживет и оставит потомство.

Я упрямо настроился вмешаться во Время. Меня словно нашкодившего котенка, могли выбросить с любимой работы. Но без любимого дела еще можно прожить, а можно ли вообще появиться на свет, если тебя некому родить? А спасенному мной младенцу хоть и натикало уже под сорок лет, но он числился холостым, и мой следующий предок еще не появился на свет.

Ответственность задания и даже беспокойство за свое существование не смогли оторвать от созерцания природы. В мой век хоть цивилизации много, но о диком лесе можно и не мечтать. Вот я и любовался вершинами сосен. Они словно пытались сдвинуть облака, по крайней мере, пытались зацепиться за них верхушками, но те лениво плыли по небу. Хоть стволы за полвека стали значительно толще, вытянулись поближе к небу, но не могли царапнуть облака. А вот хвойный аромат все пропитал. От него я охмелел, сами деревья пьяно качались, а осо-

ловевшие пушистые сугробы лениво плыли в никуда. Не успел я толком надышаться лесом, прослушать трели птиц, как идиллию разбил грубый окрик.

– Стой, кто идет?!

«Колечко как-то пассивно себя ведет? Неужели оно проморгало засаду?!»

– Не видишь? – крикнул из кустов второй голос. – Одет, как пан, значит – инсургент, повстанец. Чего тут разбираться.

Раздался выстрел, и пуля врезалась в грудь. Боль – врагу не пожелаешь, но защитная прозрачная пленка сдержала натиск свинцового ядрышка, не дала прогрызться в плоть.

Второй солдат выскочил из кустов, направляя на меня длинный ствол.

«Невидим», – спешно приказал кольцу, и оно послало иллюзорные картинки в головы двух опеших солдат.

У обоих оружие выпало из рук, они истерично молились оберечь их от злого духа.

Кольцо могло заморочить мозги любому, но не дальше, чем за 50 метров. Вот я и стоял возле двух российских «героев», но мне быстро надоела их затянувшаяся молитва. Пришлось напустить на них огромного иллюзорного черта с огромной вилкой и истекающего голодной слюной.

Солдаты бежали, забыв о ружьях и присяге. За исключением синяка от пули, все хорошо кончилось. Но не в первый раз мне не понравилась бездеятельность кольца, ведь оно, несомненно, могло заранее предупредить о засаде. Но оно, словно джинн в сказочной лампе, молчало в тряпочку. Все же в конструкции «Аладдина» проглядывала несомненная недоработка.

Засада и масса иных признаков говорили о готовящемся сражении. Я включил систему анализа на полную мощность, и достаточно четко услышал команды на русском артиллеристам, пехоте, гусарам. Еще едва уловил тихое перешептывание на литовском (его скоро переименуют в белорусский) повстанцев. Повстанцы были окружены засадами и несколькими довольно крупными подразделениями.

Я оставил в кольце программу невидимости, так безопаснее, и направил коня в самую гущу событий.

Скакун нес по роще у края болота. Копыта вгрызались в податливую почву. Земля чавкала, пытаясь присосаться к ногам, но лишь вылетала вслед коню, перемешанная с ярко-зеленым дерном.

На опушке, рядом со мной, скрытно стояла сотня гусар. На поле открыто, без маскировки расположилась артиллерийская батарея в четыре ствола. Жерла орудий направили на опушку с противоположной стороны поля точно в направлении повстанцев, видно каратели были хорошо информированы. Из хвойного леса, между мной и повстанцами, вышла строем на поле пехота, 103 человека, подсказало умное колечко. Шум из леса, немного позади группы повстанцев подсказал, что в тыл храбрецам движется не меньше батальона пехоты и около сотни драгун.

«Обречены! – не сомневался я. – Но Иосиф, всех первенцев в роду Пиотухов одинаково называли, обязан выжить. Иначе я исчезну!»

Пехота беспечно шла по полю строем, выдвигаясь перед артиллерией и, на погибель себе, перекрывая сектор обстрела пушкарям.

Ошибку русских мигом заметил Иосиф.

– Мы обречены, – отфильтровало кольцо речь от посторонних шумов. – Даже, если сдаться, нас повесят. Но я перед смертью напою саблю кровью врагов. Отомщу за унижения края, за детей на суворовских штыках, за виселицы вдоль дорог. За поруганную отчизну не жалейте врага. Умрем с честью. Вперед, за Литву, за свободу!

Из опушки леса вылетел Иосиф.словно ангела смерти нес его вороной конь, и как у ангела над ним трепетали огромные крылья.

«Да он же в доспехах крылатого гусара!?» – я сразу узнал панцирь по особым вмятинам, их видел еще вчера (по моим часам) в день рождения повстанца. Гусарское облачение тогда красовалось на стене. Уже тогда оно считалось устаревшим вооружением, но видно трудно было по-иному экипироваться.

Вслед за предводителем летело еще шесть крылатых гусар и разношерстно вооруженные воины. Всего 63 всадника оставило информацию дотошное в арифметике колечко.

Пехота изумленно распахнула рты и вытаращила глаза. Ведь их готовили к незначительному, почти безопасному уничтожению плохо вооруженного и неопытного противника, а тут такое. Я видел, как у многих тряслись коленки, а кое-кто обмочился. Но будь я на месте русских, то тоже мечтал бы о памперсах.

«А если прорвутся?!» – сам не верил догадке, но подсознание выплескивало именно эту несбыточную надежду.

Повстанцы летели молча. Именно летели, без истеричного «ура», лишь топот и храп коней, лишь ненависть и готовность умереть и убивать накатывались неумолимой лавиной на растерявшуюся пехоту.

Наконец офицер опомнился, выхватил ружье из трясущихся рук солдата, но и самого нервы подвели. Пуля по касательной скользнула по гусарской броне, оставив еще одну борозду. Офицер бросил ружье, но саблю достать не успел – его голова покатилась по сочному разнотравью, в последний раз глядя на Мир.

А окровавленная сабля Пиотуха уже нашла очередную жертву. Остальные повстанцы методично крошили врага, хладнокровно вонзали в противника копья. Мало кто из пехоты и артиллеристов уцелел, разве что утаился, притворившись убитым.

Победители обошлись без убитых, лишь несколько раненых и потеряли четырех коней.

– Пан Иосиф, – крикнул один из безлошадных. – Уходите, мы вас прикроем.

Он указал рукой на опушку, из которой они сами недавно атаковали врага. Оттуда сомкнутыми рядами выходила пехота и строилась кавалерия.

Иосиф кивнул.

– Прощайте! – крикнул безлошадным добровольцам, а остальным указал на нового врага. – Атакуем их. Их смерть – наш единственный шанс.

Повстанцы повернули коней на гусарскую сотню, которая недавно скрывалась недалеко от меня, а сейчас выдвигалась на поле боя.

Сотня с криком «ура!» понеслась на повстанцев. Те, молча, скакали навстречу. Две бешеных ненависти столкнулись, смешались в безжалостной сече. Звон сабель, стрельба, крики, стоны, ржанье переплелись на краю поляны.

Из калейдоскопа смертей в жестокой сече я вычленил своего подопечного. Когда кавалерия противников смешала ряды бойцов, Иосиф удалым ударом срубил руку с саблей, а затем и голову командира гусарской сотни. Еще метко разрядил два допотопных пистолета в гусаров. Сейчас он сошелся в поединке с красавцем подпоручиком, но получил две пули в спину. Броня не справилась с выстрелами в упор. Кто-то из товарищей зарубил стрелка, не дав выпустить третий заряд, но Иосифу хватило и этих пуль. Он на глазах бледнел, но опыт и воля помогли перехитрить, почуявшего легкую жертву противника. Когда молодой офицер пытался, упираясь саблей в саблю, сбросить ослабевшего повстанца, тот второй рукой ткнул в нос врага. На мгновение офицер потерял ориентацию, а Иосифу и этой крупницы времени хватило воткнуть саблю в шею оккупанта.

Яростная рубка длилась всего минут пять. Поле усеяли павшие гусары и повстанцы, копыта скользили в густой крови. Но маленькая победа досталась, еще недавно обреченным Иосифу и еще шестерым его соратникам. Они прорубили дорогу в жизнь, посмеялись над старухой с косой.

– Будем уходить болотом, – Иосиф указал саблей в направлении отхода, а ослабевшая рука дрожала, едва не роняя оружие.

Кони приближались к опушке, рядом со мной. А за ними четыре повстанца пустили в ход артиллерию. После двух удачных залпов русские ретировались в лес. Но не прошло и минуты, как их вытолкали на поле офицеры, и с неуверенным «ура» пошли вперед. С фланга драгуны тоже неслись на батарею повстанцев.

Батарея огрызнулась еще одним залпом, оставив плечи в рядах наступающих. Повстанцы, так и не успев перезарядить стволы, пали под саблями и копытами врага. А те еще долго с наслаждением топтали уже мертвых, но не сломленных до последнего вздоха упрямых литвинов.

Я пустил коня легкой рысью вслед за беглецами. Ветви молодой ольхи и березы иногда неприятно хлестали по лицу, но я не сбавлял темп, держась метрах в тридцати от повстанцев.

На краю болота Иосиф остановил поредевший отряд.

– Восстание разгромлено, но дух свободы останется, если выживет, хоть один из нас. Мой последний приказ: спасайтесь. Уходите через болото по одному. Оружие спрячьте, потом еще пригодится. Обходите кордоны, а если попадетесь, то отрекайтесь от своего участия в восстании. Нет в этом «отречении» предательства, нет греха. Прощайте.

«Ну, вот и все, кажется, умираю, – без сожаления оценил ситуацию Иосиф. – Главное, не показать товарищам слабость тела, иначе меня не бросят. Все равно не спасут, а сами глупо погибнут. Еще минутку бы продержаться в седле».

«Аладдин» различил короткие слова расстающихся братьев по оружию, а затем чавканье топкой земли. Кольцо определило, как они рассредоточились веером, пробираясь неприметными тропками среди трясины вглубь болота.

Но одна лошадь, мохноногий крепкий дрыкгант, стояла. По дыханию лошади и наездника кольцо определило – это Иосиф.

Моя лошадь вязла не меньше остальных, но мой помощник на пальце глушил чавканье болта и все остальные шумы от меня и коня в мозгах моего предка и его лошади. Раненый естественно не обратил внимания на меня, даже когда остановился рядом с ним. Правда, Иосиф не увидел бы меня и без моих волшебных штучек. Он потерял сознание, но чудом держался в седле.

Я перевел себя в видимый режим и ввел общеукрепляющее снадобье смертельно раненому.

Укол подействовал быстро: Иосиф разлепил глаза. Густой мрак бледнел, расплывчатая зелень постепенно слепилась в знакомую болотистую опушку.

«Я еще не умер?» – как-то вяло удивился повстанец, но в нем уже просыпались остатки неумного характера, когда взгляд споткнулся о меня.

– Кто вы? – сразу последовал вопрос, и он одновременно попытался вытащить саблю из ножен, но не хватило сил.

– Ваш ангел-хранитель.

В глазах Иосифа блеснуло удивление.

– Не совсем ангел, но почти. Я – ваш потомок.

Тут уж даже состояние на грани обморока не помешало по-настоящему выйти предку из дремы. Ангел или бес казались бы фантастичными, но понятными объяснениями. Но правду иногда и представить невозможно, как уж в нее поверить?

– Без моего лечения – вы покойник. Вы уж поверьте, – мне показалось, он поверил. По крайней мере, в удивительно спокойных глазах предка не читалось и намек на сомнение, и я продолжил: – Так что долг перед Родиной и восстанием вы исполнили сполна. Остался долг передо мной. Если вы умрете бездетным, как возникну я? Поэтому у меня есть деловое предложение.

– Какое? – в вопросе хоть и мелькнуло сомнение, но и читался кусочек веры.

– Я вас вылечу, а вы взамен прекращаете борьбу за свободу отечества, женитесь и мирно растите детей.

– А если откажусь?

– У меня нет выхода. Я все равно вас вылечу. Но умоляю, дайте мне шанс родиться.

– Не понятно, как вы можете не появиться на свет, если вы здесь? Впрочем, сделка честная, я согласен.

«Если ты ангел, нет в оживлении ничего плохого. А если бес, то и второй жизни не надо. А если ты мой далекий потомок? Как не помочь?! За это и в ад попасть не убоюсь. А ведь и вправду он чем-то похож на меня!»

Иосиф перекрестил себя, меня и прошептал какую-то молитву от нечистой силы.

Затем я затащил Иосифа на островок в болоте. Снял помятые и в нескольких местах прорубленные доспехи и забросил их в трясины. Потом извлек пули из спины и зашил эти раны от пуль и сквозное в предплечье, а также две рубленых на плече и бедре. Осталось освежить кровь, и пока она вливалась в ослабевшее тело, Иосиф порозовел.

– Через 3-4 дня раны срастутся, даже швы затянутся. Никто не докажет ваше участие в восстании. А пока отлежитесь на этом островке дней пять. Вас никто не найдет. Я заговорил этот островок.

«Не объяснять же Иосифу, что я установил здесь излучатель, отраживающий всех людей и зверей немного в сторону».

Я протянул руку Иосифу.

– Прощай.

Мы крепко пожали руки.

– Не забывай, что обещал беречь себя.

Он кивнул.

Больше опекать предка не мог, я и так отвлекся от своего задания. А Иосиф не маленький – выживет.

Кольцо после последнего скачка во Времени постоянно предупреждало о близости «дичи». Но кольцо еще «кричало» об искажении сигнала от преступника. Каждый путешественник во Времени возмущает пространство-время, и по этим изменениям приборы легко отыщут время и местонахождение этого человека. Моя же «дичь» легко отыскалась во Времени, но ее место определялось не точкой, а пятном с радиусом в несколько километров. Так что поиск неожиданно усложнялся.

Кольцо подсказывало об искусственном искажении сигнала, а практика говорила об отсутствии в природе подобных аномалий. Впрочем, именно мой подопечный и мог создать прибор, затрудняющий поиск в пространстве-времени. Именно мой подопечный самостоятельно построил машину времени, так что же могло помешать сумасшедшему ученому создать еще одну приставку к этой машине и всего лишь исказить сигнал?

И тут из-за куста с визгом выскочила крупная мохнатая дворняга. Она пару раз куснула свой рыжий бок, затем вильнула хвостом и подбежала ко мне. Впрочем, она держалась на безопасном расстоянии от копыт.

«Какой аромат идет из его мешка!? Мне бы такого хозяина», – с умилением разглядывала седока псина, жалостно поскуливая, выпрашивала подачку.

– Что, голодаешь?

«Еще спрашиваешь!? – подумал пес, жалостно взыв и урча пустым брюхом. – Уже и забыл, когда ел».

«Ишь, как скулит и ластится? Видно сильно оголодал, что не побоялся просить у незнакомого. Мог и по бокам получить».

Кудлатый пес продолжал скулить и, как мог, показывал свою любовь ко мне. Раньше, казалось, я не поддаюсь лести и наигранному несчастью, но псина покорила меня именно этими дешевыми трюками.

Я вытащил из мешка кусок мяса и швырнул его дворняге.

«Какой хороший человек?! Из него бы получился отличный хозяин,» – решил пес, пытаясь мигом все проглотить и не отстать от своего кумира.

Я поскакал дальше, а лстивый попрошайка мигом проглотил угощение и припустил за мной.

«Я наездника люблю! Какое у него вкусное мясо в мешке!» – окончательно решил пес, пристраиваясь у стремени.

Так проскакал еще около сотни метров. Тропинка вывела из молодого густого березово-ольхового леса на поляну. И тут грохот и невероятная сила вырвали меня из седла. Спустя мгновения увидел свою лошадь в агонии, вырывающей копытами дерн и еще огромную дыру в своем животе. Сквозь отверстие в добрых пять дюймов вываливались потроха и остатки жизни.

«Вот и все!» – я использовал запас энергии кольца и не смогу перескочить в свое время, а здесь с такой раной я обречен.

Я оплакивал остатками затуманившегося сознания свою беспечность, остатки жизни и попрощался навеки с Миром. Это надо же, приехал убедиться в праве на свое существование, а нашел смерть. А Мир стал сереть, двоиться и мутнеть. Я еще мог различить волну моей крови, заставшую врасплох двух букашек. Они отчаянно пытались выкарабкаться из липкой массы, но шансов выкарабкаться у несчастных оказалось не больше, чем у меня выжить. Прежде чем наступило Черное Ничто, меня лизнул шершавый язык пса.

«Только-только обрел счастье – хозяина, и на тебе!!!» – оплакивал судьбу лохматый бездомный пес. И вся его любовь к умирающему ушла в шершавый язык. И может быть, лишь эта слюнявая привязанность еще как-то цепляла угасающее сознание за ускользающую реальность.

Я оценил крупную лобастую голову дворняги, его умные ласковые глаза и приказал кольцу нырнуть в собаку, и Мир растворился во Тьме.

Сумасшедший.

«Александр Македонский, Аттила, Чингисхан, Наполеон, Ленин, да и все остальные покорители народов изначально были обречены на провал. Лишь я один смогу владеть планетой безраздельно и вечно! Только у меня есть реальная возможность выбирать место, время и средство воздействия на человечество».

– А вот и я, – прервала сладкие грезы медсестра.

– Выпейте, – она протянула мне тарелочку с таблеткой и стаканом воды.

Я спрятал таблетку под язык, усердно имитируя, как ее запиваю. Моя уловка опять сработала, не вызвав у наивной медсестры подозрений. Она мило улыбнулась и оставила одного в палате.

«И кто меня тянул за язык? Все людишки – ничтожества, они не способны оценить все величие и красоту моих замыслов недоразвитыми мозгами». Приблизительно так я корил себя за промашку и поносил весь род людской. Надо честно признать, именно моя глупая болтливость (но даже гении допускают ошибки) привела меня в дурдом. Но постепенно успокоился и приступил к построению вариантов побега. Если Наполеон сбежал с острова-тюрьмы и вернул власть во Франции, пусть на недолго, то меня и подавно не удержат замки и решетки психушки.

Я вспомнил об украденном у медсестры шприце, прикинул, сколько удалось спрятать таблеток и решение окончательно созрело, само собой. Все гениальное предельно просто, но серые личности проходят, как слепые мимо очевидных решений. Таблетки легко растворились в воде. Этим раствором наполнил шприц, нетерпеливо ожидая вечернего обхода.

Лечащий врач во время вечернего обхода редко ко мне заглядывал, мое состояние не вызывало его беспокойства. Обычно навещала меня лишь медсестра. Даже утром и днем врачи меня обычно игнорировали.

Мой расчет оказался верным. Медсестра вошла с обычным набором: тарелочкой, стаканом и таблеткой, приправленными лживой улыбкой и не менее притворным приветствием. Не верю ни слову ее и врачей-шарлатанов. Лишь шарлатаны и недоумки узрят в гении ущербного психа.

Словно не заметив тарелочку, спросил:

– Сегодня вы одна, без врача?

– В этом нет необходимости. Диагноз поставлен, лечение определено. А вот завтра увидите своего врача. Именно на завтра назначен курс завершающего лечения.

«На завтра назначена корректировка личности. Корректировка – это же подмена мироощущения, можно сказать уничтожение личности. Завтра меня бы убили, сохранив лишь мое тело, имя, память и знания. Как все же вовремя я подготовил побег!»

Не говоря ни слова, без всякого сожаления (меня то они не пожалели), одной рукой крепко прижал девушку за шею, одновременно зажав ладонью рот. А второй рукой ввел свое снадобье медсестре в ягодичу.

Тарелочка выпала из ее рук, но я не дал их пустить в бой, перехватив ее предплечья освободившейся от шприца рукой. Медсестра возмущенно выпучила на меня глаза, но постепенно в них собрался туман.

«Начинает действовать», – мелькнула счастливая догадка, ведь я лишь предполагал о действии жидкости из шприца. – «Надеюсь не умрет. А, впрочем, какая разница?»

Постепенно тело перестало бороться, обмякло. Пришлось уложить его на полу. Не теряя время, снял с медсестры халат, накинутый на голое тело. А затем снял колготки. Она была хороша, но наплевать на девичьи прелести. Я не собирался ее насиловать, а лишь надеялся скрыть колготками волосатость своих ног.

Уже в белом халате уставился в зеркало, но оно мне не льстило. Выбирать не приходилось, и я решительно направился к двери, ведь великим всегда сопутствует удача.

Дверь не шелохнулась. У обычного человека поджилки бы затряслись, а я минимально включил свой изумительный интеллект. Вспомнил о тактилоскопической настройке дверей в лечебнице, и решение само опять созрело.

Подтащил обмякшее тело к выходу и приложил вялую руку к дверной ручке. В двери сразу что-то щелкнуло, и «сезам» открылся.

«Скоро весь Мир во всех временах склонится у моих ног! Гения не удержат никакие замки! Наполеон вернулся из заточения на сто дней, я же приберу к рукам Человечество навеки».

Совещание.

– Я не пойму, чем академия истории может помочь психиатрической лечебнице?

– Своим секретным подразделением...

«Интересно, кто проболтался? Узнаю – уволю!»

– У нас нет никаких секретов, – с убедительной маской на лице попытался поставить точку в разговоре хозяин кабинета.

– Назовем его, не афишируемым перед общественностью, – настырно добивался своего главврач, потихоньку выводя из себя уважаемого академика. – Мы сканировали мысли одного нашего пациента, и оказалось, что он один из создателей машины времени.

– Так он же ваш пациент, сумасшедший, – усмехнулся академик, но чувствовал он себя уже не так уверенно.

«И о машине им известно?!» – академик нервно забарабанил пальцами о стол, но сумел сохранить маску насмешливого пренебрежения.

– Да. Но эта информация верная, она сканирована из его памяти. Пациент действительно болен, опасно болен и даже опасен для общества. Он, видите ли, вообразил себя человеком №1 во всей Вселенной, ее властелином. И у него есть для осуществления бредовой идеи инструмент – машина времени.

– Что, что?!

«Наверно он говорит правду! – нервничал академик. – Что может натворить сумасшедший во Времени?! А если грубое вмешательство разрушит само Время?! Невероятно, но кто знает?! Такой эксперимент может оказаться последним в истории Человечества!»

Академик утопил дрожащий палец на одной из кнопок видеофона, и спустя несколько секунд в кабинете появилось изображение молодого парня.

– Где профессор Острожский?

– Пошел на склад, давать нагоняй за отписанный в лабораторию неисправный прибор.

– Пусть немедленно зайдет ко мне, – приказал академик, прерывая видеосвязь.

Академик удивленно посмотрел на нервное подергивание указательного пальца. В последний раз подобное произошло лет сорок назад и продолжалось дня три, пока его возлюбленная не согласилась стать его женой. История с пальцем подсказывала, что все образуется. Академик вновь нацепил на себя личину равнодушно-спокойного сфинкса и продолжил разговор:

– Расскажите подробнее о вашем подопечном, чем он опасен?

– Он сбежал.

– Как?!

– Он усыпил медсестру наркотиками, переоделся в ее одежду. А охрана тоже проморгала, пропустила, не проверив липовую медсестру. Правда, мы почти сразу же снарядили вдогонку санитарную бригаду. Мы ориентировались по «жучку», вживленному в тело пациента, но сигнал исчез.

– Он догадался о «жучке» и избавился от него?

– Нет! Он именно исчез. Еще никогда в нашей истории сигнал-метка пациента не исчезал, его весьма сложно уничтожить. И подозреваю, что искать и метку и больного придется где-то в далеком прошлом. А наши санитары, как вы знаете, работают только в настоящем. Теперь вы понимаете, почему прошу именно вашу помощь?

Академик в ответ лишь промычал нечто невразумительное. Он подсознательно уже согласился с доводами оппонента, но инерция еще не давала признать очевидное. Разговор застопорился, тишину нарушало нервное постукивание карандаша академика. Он надеялся запрячь тик в палец забавой с карандашом, но возбуждение замаскировать не так легко и матерому волку.

Главврач, как специалист по патологиям поведения, уже хотел предложить успокоительное средство, как дверь распахнулась, и в кабинет вошел пожилой человек в белом халате. Уж он-то знал, как сложно попасть к академику, и чего он натерпелся от секретарши, пока его пропустили. А этот даже не постучал, ввалился в запретный кабинет, словно к себе домой.

– Вызывали? – спросил гость, без спросу плюхнувшись в кресло.

– Знакомьтесь. Главврач, – академик указал на доведшего до нервного тика посетителя, а затем перевел руку на вошедшего. – Профессор Острожский, начальник лаборатории исследования Времени.

Затем академик быстро, но доходчиво ввел Острожского в суть возникшей проблемы.

– До сих пор мы проникали, а точнее проползали во Время незаметными наблюдателями, опасаясь изменить ход Истории на микрочастицу, – у профессора явно кончился запас сдержанности и он закончил более возбужденно: – А тут ворваться в прошлое, вырвать из него

человека, словно пуговицу из кафтана! Промчатся по векам эдаким удалым спецназом, кроша и сминая Время! Вы хоть чуть-чуть представляете последствия вторжения?!

– Представляем! – одновременно выкрикнули оппоненты. Академик жестом призвал к молчанию главврача и продолжил один.

– В прошлое проник сумасшедший, кстати, в недавнем прошлом наш соратник Муравьев. И если его не остановить, то и сто спецназов покажутся Красной Шапочкой в сравнении со свихнувшимся серым волком! Он считает себя круче Наполеона, Чингисхана и им подобных на несколько порядков. Я верно излагаю?

– Именно так! – поддержал хозяин психушки. – Расшифровка подсознания подтверждает его патологическую тягу к власти. Он готов идти по трупам людей, топтать народы и начхать ему на всю вашу Историю и его величество Время.

– Ладно, – понял необычность ситуации Острожский. – Мы попробуем его осторожно выдернуть из прошлого.

– Скорее всего, из 18-19 веков, – подсказал главврач. – Да, именно эти века больше всего притягивали Муравьева. В его подсознании мы прочли желание взять власть именно в это время, а искать его рекомендую в Речи Посполитой или Российской империи.

– У нас есть один сотрудник, Иосиф Пиотух, он как раз специализируется именно по этим местам и векам. Я думаю, он с заданием справится.

– Один?! Даже здесь и в наше знакомое время я всегда высылаю на поимку беглеца бригаду из 3-4 санитаров.

– Нет! – категорично отрезал профессор. – У нас только один подготовленный для указанных веков и местности работник, а профан столько «дров» наломает, и за век не расхлебашь.

5. Засада

Зуммер прибора заставил его вытащить из кармана.

«Началось!!!» – кричало все во мне, а стрелка дернулась и поплыла вниз. Вот она пролетела над моим временем и остановилась почти на полвека раньше. Я зачем-то постучал по прибору, но ничего не изменилось.

«Черт те что?! Мы вместе с Острожским работали над прибором, он не мог ошибиться на полсотни лет. Это неспроста, что они задумали?!»

Я сначала занервничал, а потом, поразмыслив, успокоился. Действительно, помешать мне можно только здесь. Так что пусть скажут хоть за век, хоть за тысячу – толку никакого. А сюда они не сунутся с лазерами, атомными пушками или еще чем-то способным нанести вред Времени. А без современных вооружений Острожский со всеми своими людьми что мне, гению, сделает? Я, несомненно, не побоюсь вмешаться в законы Времени, я и попал сюда, чтобы вписать в Историю навсегда себя. Я отсеку от будущего знания, ведущие к машине времени. И скоро стану полновластным Властелином Веков! Лишь я один буду путешествовать во Времени!

«Но ведь стрелка прибора качнулась! – опять занервничал я. – Значит, мне еще не удалось отсечь будущее. Или это просто парадокс, реликтовое изменение Времени. Так сказать, затухающие волны изменений на мое вмешательство, а скоро будущее смолкнет, не сможет посылать ко мне гостей. Быть может, я последний визитер из будущего. Больше никто не утонится за мной в веках!»

Но тут стрелка вновь ожила и поползла вверх, ко мне. Сердце пустилось в пляс. Я чувствовал, что на сей раз, они не промахнутся. Нечего мечтать и об окукливании времени, пока процесс отсекаания времен только в начальной стадии. И стрелка застыла день в день рядом со мной. Да и расстояние от меня до непрошеного гостя было всего в несколько километров. Только я уже подготовился к встрече, а они, я уверен – нет!

Впрочем, излишние сомнения и размышления до добра не доводят. Я отбросил в сторону лишние мысли, даже приятные грезы о своем недалеком будущем и отдал приказ:

– Иванов, готовь батарею к бою. Сможешь попасть во всадника ядром с 50 сажень?

– Попаду, как не попасть, господин полковник! – ответил артиллерист, а сам подумал: «Попробуй, промажь, так уж точно шомполами до смерти забудет. Суший бес наш полковник, пострашнее повстанцев».

– Попадешь – награжу, а нет – шкуру живьем сдеру. Пушки тщательнее замаскируй. Думаю, через час твоя цель появится.

Все же не зря готовился к встрече, все рассчитал. Прибор видел, как гость продвигается в рассчитанном направлении, именно к моей полянке. Куда им, убогим, тягаться с моими мозгами!

Я брезгливо поправил полковничий погон. К сожалению, покорение Мира приходится начинать со столь ничтожной должности. Но ничего, Гитлер и вовсе был ефрейтором, а Европа легла у его ног. Можно, изменив внешность, занять место хоть императора. Но маскировка под недоразвитые личности мне претила, казалась унижительной. Поэтому я лишь подделал документы обезличенного для меня полковника, получившего назначение в новую часть. А его, естественно, устранил, устранил навсегда. Я решил прибрать к рукам планету, стартуя с ничтожной полковничьей должности. И этот факт уже, как ни крути, внесен в Историю всех времен и народов.

Иванов установил пушки среди маленьких пушистых березок у самой поляны. Он прямой наводкой направил стволы на тропу (охотнику из будущего больше нет, где ехать, но он еще не подозревает, кто дичь) и сейчас дополнительно маскировал батарею свежими ветвями. Над людьми Иванова кричала потревоженная сорока, как бы она не испортила мою охоту, не насторожила «дичь».

– Дайка ружьишко, – приказал ординарцу.

Мой выстрел смешался с шумом начавшегося сражения и последним воплем сороки. Угодливое восхищение батарейцев оказалось приятным и противным одновременно.

«Приятно восхищение хоть бы отдаленно подобных мне, а восхваление рабов чем-то омерзительно, искренности в нем нет».

– Иванов.

– Я, господин полковник.

– Я буду в рощице, той, почти, напротив. Будешь стрелять в того, кто пройдет или проедет по тропинке, но только после того, как я взмахну платком. Понял?

– Так точно! – Иванов вытянулся в струнку, выпучил глаза. Каждая его частичка кричала о готовности выполнить приказ.

«Только бы не промахнуться, как бы ни попробовать шомполов! Ирод, а не полковник, живьем шкуру сдерет!» – от страха у пушкаря даже потек пот, так некстати замутив глаз.

«Западня готова, – ухмыльнулся я, и только сейчас в меня ворвалась красота природы. – И почему я раньше не замечал стрекота кузнечиков, трепещущих стеклянными крылышками стрекоз, разноцветных бабочек. Как прекрасен этот мир? Это же мой мир!? Мой!!! И никто не посмеет отнять у меня законное имущество! Законное? Да, на правах завоевателя. Скоро планета содрогнется, а выжившие людишки начнут лизать пыль с моих сапог. Даже бабочек и всех безмозглых букашек научу поклоняться».

Собака.

Военный в полковничьем мундире подошел к моему мертвому телу и с наслаждением пнул его сапогом.

Я зарычал:

– Гав! Гав! – еще не осознав, что я уже в собаке, что я и есть пес.

Полковник огрел меня плетью и крикнул кому-то на опушке: – Молодец, Иванов! Награжу по-царски!

Он опять пнул мое тело, переворачивая на спину. Мне оставалось только рычать.

– Ого!? – полковник сверился с прибором. – А колечко совсем не простое!?

Полковник еще раз опек мой бок плетью. Пришлось отбежать. Он приставил пистолет к кольцу. Грохнул выстрел – мой «Аладдин» умер.

– Ну вот, теперь все в порядке, – полковник слегка постучал по прибору, но стрелка не шелохнулась. – Да, сейчас колечко такая же дохлятина, как и его хозяин.

Я в бессильной злобе завыл, а затем, совсем обезумев, бросился на убийцу. Полковник прицелился, но пистолет вместо гулкового выстрела лишь щелкнул, оно-то был однозарядным. А я вгрызся зубами в бедро, чуть повыше сапога.

«Не так уж и плохо быть псом!» – неожиданно для себя решил я, все глубже вонзаясь зубами в мясо и сухожилия и поворачивая голову из стороны в сторону, пытаясь вырвать кусок мяса. О, с каким наслаждением терзал теплую плоть убийцы. А его удары руками по голове лишь помогали рвать сумасшедшего. Сейчас я узнал в полковнике беглеца из сумасшедшего дома, но я видел в нем не больного, а зачатого врага.

Наконец полковник сообразил изменить тактику, вытягивая из ножен саблю.

У меня хватило ума отпустить ногу и скрыться в кусты. А к полковнику уже бежали солдаты.

– К лекарю, быстро! – скорее выл, чем приказал полковник.

Его пронесли мимо моего укрытия.

«Ух, как обильно льется кровь! – я испытывал истинное удовлетворение, позабыв заложенные в детстве христианские заповеди. – Да она просто хлещет!»

Мое возбуждение неожиданно погасил противный зуд в боку. Я машинально куснул, где чесалось, хотя меня никто и никогда такому не учил – полегчало.

«Блохи! – изумился я. – Еще этого не хватало?!»

Еще полностью не осознав, что я сейчас представляю, нюхнул бок. В ощущения мгновенно ворвалась вонь немытой, давно пропотевшей шерсти, сладкий аромат полковничьей крови в пасти и, конечно же, едва заметный, но никогда не проходящий дух вечного врага – блох. Со злым рычанием выдохнул, раздвинув выдохом шерсть. Взору открылись полчища злых, кусачих паразитов. Зубы без команды защелкали, и иногда удавалось раздавить кусачее отродье.

Минут пять с урчащим наслаждением воевал с противником в кудлатой шерсти, пока стыд не проник в сознание.

«Тьфу ты, я же человек, а не псина!» – наконец дошло до меня. Но что-то, не подвластное логике, заставило еще раз порыться в шерсти и наплевать на приказы «венца природы». Все же я оказался незванным гостем собачьего тела, а его хозяин попросту меня игнорировал. И как я не противился глупейшему желанию псины, она задрала лапу у дерева и с наслаждением помочилась. Я честно признал, что это действительно очень приятно, хотя еще долго упрекал блошиного врага за не эстетичность.

Дворняга, выполнив свои жизненно необходимые заботы, позволила беспрепятственно пользоваться телом. Я приступил к разведке.

Открывшиеся неожиданно возможности не переставали удивлять. Например, я легко чуял «след» полковника. Конечно, собачьи способности уступали «Аладдину», но без них я был как без рук. На мысли о руках настроение несколько упало, но не в моих правилах долго оплакивать потери. Отчетливый кровавый след и запах убийцы привели к палатке. Я тихо всунул лохматую голову под полог. Полковник сидел спиной ко мне на складном стульчике. Штанина на правой ноге распорота до сапога, обнажив бедро и следы моих зубов.

«Все же я его классно обработал!»

Теперь я нашел беглеца из дурдома, но что толку?! Забрать его без кольца не мог. Да я и сам застрял в беспокойном веке. И тут меня словно ошпарило, и я во весь дух понесся обратно к телу. Конечно, кольцо, если его сломать, пошлет последний SOS. Несомненно, у моего тела надо ждать команду спасателей.

Еще метров за пятьдесят открылась картинка: четверо одетых в русские мундиры что-то делали с моим телом. Одеты они вроде и правильно, но говорили не чисто. Правда, кто в российской армии правильно говорил на русском? Большая часть солдат говорила с уйгуро-финским акцентом либо тюркским. Но в ложных солдатах прорывался знакомый по моему веку акцент, совсем не нынешний. Но главное: их прически совершенно не вязались с 19 веком. Наверняка, в спешке готовилась авральная команда.

– Введите консервант, – услышал знакомый голос профессора Острожского, и мои сомнения окончательно рассеялись.

Я потянул профессора за штанину и начал лаять, используя интервалы, как в древней азбуке Морзе: – Гав, гав...

Один из помощников профессора попытался пнуть меня ногой, дабы не мешал. Но в глазах профессора уже зажегся огонек. Он внимательно вслушивался в собачий брех и одновременно рукой остановил излишне ретивого помощника.

– Собаку тоже берем! – приказал он.

В нашу сторону шли солдаты с батареи Иванова. Видно их тоже смутила команда Острожского.

– Стартуем.

– Но мы породим легенду, исчезнув на глазах у солдат, – неуверенно возразил помощник профессора.

– Немедленно! – прекратил споры глава лаборатории.

Райский зеленый уголок заволокло туманом, в последний раз каркнул черный ворон, нетерпеливо ждавший, когда мы отойдем от падали. Сначала растаяли удивленно кричащие солдаты, а за ними возмущенно каркнувший ворон и лесная поляна.

Подлатали.

– Тузик, Тузик, Тузик... – подзывала к себе прекрасная блондинка, пытаясь соблазнить конфетой.

Как бы она мне не нравилась, но подобной фамильярности, унижения стерпеть не мог.

– Р-р-р! – гневно оскалил на нее зубы.

Девушка невольно отшатнулась к стене.

– Прости, Иосиф, неудачно пошутила, – она в знак примирения собралась почесать за моим обвисшим рыжим ухом.

Я предупредительно рявкнул.

– Ишь, какой недотрога, – хмыкнула блондинка, но руку побоялась опустить на голову. – Пошли в реанимацию, главврач просил тебя туда привести.

Я потрусил за ней, невольно уставившись в точеные ножки.

«И чего не дал почесать за ухом? Было бы ух как приятно! Да и паразитов пару штук бы соскребла».

Так я корил свой строптивый характер еще пару поворотов, пока не уперлись в знакомую дверь.

– Тузик, заходи, – дразнила собачьим именем блондинка, распахивая дверь. Она, несомненно, знала, как меня бесит любое сравнение с комнатной собачкой.

Мне не хотелось рычать, но пришлось поддержать резюме гордого пса.

– Ой, ой, ой! Какие они независимые, – опять она хмыкнула.

От ее подколок даже не знал, рычать мне или краснеть. Я наверняка не только рыкнул, но и покраснел, но густая шерсть скрыла смущение.

В палате собрались не только главврач психиатрической больницы, но и еще пара светил медицины, их помощники, Острожский и, конечно же, я. Я увидел себя совершенно нагого на хирургическом столе. Мне стало стыдно за наготу перед блондинкой, и я смущенно гавкнул.

– А вот и вы, – обрадовался главврач. – Как видите, мы над вами славно потрудились. Заменяли разрушенные снарядами органы на вновь выращенные методом клонирования биологические материалы. Генетически они идентичны замененным частям тела. Так что с телом проблем нет. Но мозг...

«Что с мозгом?!» – поразило меня страшное подозрение, но вместо кучи вопросов выплеснул лишь нервный лай.

– К сожалению, – прервал меня и главврача Острожский, – мы не можем скакать по Времени, как захотим. В нем есть «мертвые» промежутки. Время можно сравнить с рекой, а наше его восприятие подобно кораблику, плывущему по течению. Так вот: путешествуя по реке Времени, нам не всегда удастся запрыгнуть именно на кораблик. Мы, как правило, можем оказаться либо за его кормой, а это нас не устраивает, или перед носом. Чуть-чуть поджидаем, и он сам к нам подплывает.

«Что за чушь он несет? Ликбез для неграмотных! Я и сам не раз окунался в пучину Времени».

– Мы немного опоздали, Иосиф, – продолжал Острожский. – Когда мы нашли вас бездыханным, то некроз тканей вашего тела шел вовсю. Восстановление органов, мышечных тканей, костей не проблема. Даже мозг слепили заново, но он пуст».

– У-у-у! – сорвался плач по моему мертвому телу. Что толку от крепкого организма, если оно дышит принудительно, а сердце бьется по приказам кардиостимулятора. Оно бездушно, мертвое, я обречен на вечное заточение в собаку!

– Я вижу, ваш начальник нагнал на вас страха. Все не так безнадежно, как вы, наверное, подумали, – словно прочитал собачье горе главврач. – Сейчас мы приступим к оживлению тела, а вы как раз крайне необходимы для этой операции. Мы, так сказать, вдохнем в вас жизнь, мы перепишем вашу память обратно.

Я перестал выть, и даже краем глаза определил рефлекторное веселое влияние хвоста. Теперь я буду очень уважителен к психотерапевтам.

– Так вот, – продолжил спаситель. – Я просканировал собачий мозг и утверждаю: переписать вашу личность обратно весьма реально. Просто удивительно, как мало серых клеток потребовалось для сохранения вашей сущности.

Блондинка хихикнула. А мне было наплевать. Сейчас и не пытался краснеть за объем своего интеллекта, а радостно подскакивал, пытаясь лизнуть руку главврача, вилял хвостом. Как мне хотелось вернуть прежний облик!

– Гав! Гав!

– Спокойнее, Иосиф. Спокойнее. Прошу сюда, – главврач обтер руку от моей слюны о полы халата и указал на коврик в углу, с подвешенной над ним огромной тарелкой, сильно смахивающей на радар.

Только сейчас обратил внимание на такую же тарелку над моим обнаженным телом.

«Ага! – догадался я. – Эти штуки наверняка для перекачки памяти из меня в меня».

Тавтология мыслей немного рассмешила, вырвавшись счастливым повизгиванием.

– Не волнуйся, все будет хорошо! – успокоила блондинка, перебирая шерсть за ухом.

«Как будто я испугался?! Но пусть чешет, я не против. Ух, как приятно!»

– Иона, отойдите от пса... простите, от Иосифа. Иначе излучение вашего мозга исказит перепечатку сознания пациента.

«Иона... значит, вот как тебя зовут. Ты классно чешешь за ухом, эх, если бы еще ловила блох. Хотя откуда им здесь взяться – стерильность. Но как неповторимо, нежно умеешь шебаршить шерсть! После твоих нежных пальчиков ни один паразит не удержится за мех».

– Иосиф, расслабьтесь, – главврач снял шлем с головы. – Что за дурашливые мысли о блохах?! Прекратите!

Светило психиатрии вновь водрузил шлем на голову.

«Ну и позорище! Он же видит меня насквозь. И мне показалось мое обнаженное тело на столе прилично одетым по сравнению с тем, что увидел обладатель чудесного шлема».

– У-у-у! – в который раз на медицинской экзекуции взвыл я.

Главврач лишь развел руки. Мол: по-иному никак нельзя, терпи.

И я стиснул клыки, рычал, но терпел. Пытался все выбросить из головы, но как это сделать? Воображение рисовало обнаженную Иону, и как она чешет за ухом, ищет зубами в моем боку блох. Я гнал игры фантазии прочь, а они, преобразившись, возвращались еще невероятней, даже по моему собачьему уму.

– У-у-у!!! – разбивался мой стыд и беспомощность о тарелку-радар и о потолок в реанимации.

Но тарелка не развалилась, а потолок даже не дрогнул от потока смущения. Мне казалось, лучше не воскресать, чем позволить кому-либо копошиться в сознании. Я умирал со стыда, но собачий организм и психика оказались весьма крепкими.

А светило из дурдома лишь разводил руки (как они не устали от моих дебильных видений?) сочувственно кивал головой, но с каким-то наслаждением вслушивался в видения из шлема. Игриво подмигивал на мои невольные образы и чем-то неприличные давно забытые пласты памяти. Но вот он передвинул на пульте один из рычажков, и мое «у-у-у!» угасло вместе с сознанием.

Полковник.

Я всмотрелся в изображение в зеркале. Качество зеркал первой половины 19 века, не ахти какое, но размытые черты меня даже больше устраивали. Мундир, присущая только этой эпохе треугольная шляпа, гордая осанка... Кого изображение напоминает? Наполеона?! Неужели я окупился в забытую всеми яму во времени, чтобы нарядиться под великого предшественника?! Да нет! Конечно же, он нуль по сравнению со мной, но пришлось признать: что-то в подсознании заставило примерить форму под Наполеона. Не зря я прыгнул в мир, еще помнящий великого завоевателя не понаслышке. Скоро они узнают по-настоящему Великого, Наимудрейшего, Богочеловека.

Я повернулся, пытаюсь найти более величественный ракурс. От неудобного поворота боль из бедра прошла по всему телу горячей волной. Я едва не застонал, но сдержался, стиснув веки. А когда разлепил глаза, от моих великих миражей не осталось и следа. Мозг переключился на деловой лад.

«Где я его видел?» – пытался нарисовать в воображении лицо преследователя из Времени, и я его вспомнил.

Я его видел в лаборатории Острожского. Мы тогда параллельно работали над конструкцией машины времени, обменивались информацией, пока... пока меня не упекли в психушку! Они, видите ли, решили корректировать личность! Разве можно улучшить гения?!

Я так разгневался, что едва вернулся в русло конструктивных размышлений.

«Почему он сначала посетил эти же места, но на полвека опередив меня?»

Неясное подозрение постоянно всплывало в сознании, загадка бесила. Я смутно чувствовал, успех всей моей кампании спрятан в разгадке тайны, укрывшейся за полвека.

Я переоделся в гражданский костюм, настроил прибор, но он едва-едва смещал время высадки. Как говорил древний философ: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Я решил

войти в реку времени немного раньше, моего уже покойного преследователя. Я не люблю опаздывать.

Прибор перенес к богатой усадьбе, чуть ли не дворцу. Преследователь сначала попал сюда, так подсказывал прибор. Загадка таинственного посещения усадьбы нестерпимо зудела, и я ступил на крыльцо таинственного дома.

То ли дворецкий, то ли просто слуга предложил сесть в уютное кресло, а сам пошел по лестнице на второй этаж с докладом к хозяину.

Почти сразу же в гостиную, прихрамывая, словно пародируя меня, спустился по широкой лестнице богато одетый человек, правда у него еще и рука была подвязана и на щеке свежий шрам. Один шитый золотом Слуцкий пояс чего стоил! Я быстро проанализировал: богато одетый, властный, еще крепкий, но годы уже густо побелили волосы, а лицо морщинами. Хозяин, легко догадался я.

«Но это лицо копия простреленного снарядом сотрудника Острожского, только более старая копия. Генетическое сходство? Несомненно! Вот вам и разгадка: он любопытства ради посетил далеких предков».

– Чем могу помочь пану? – прервал уже почти созревшую догадку пан Пиотух.

– Лошадь разбередила старые раны на ноге, они открылись, почти не соврал хозяину. – Можно у вас их перевязать.

– Конечно можно и, даже, профессионально. Моя жена вот-вот родит, и у нас постоянно гостит лекарь. Он сейчас вас перевяжет, – весьма учтиво отнесся к просьбе хозяин и добавил следующему за ним слуге: – Антось, пусть Алеся подготовит гостю зеленую комнату на первом этаже. Видишь, ему тяжело с больной ногой подниматься вверх. И сразу отправь к гостю лекаря, надо раны перевязать, а если потребует, то и подлечить.

«Так он хотел увидеть новорожденного предка?! – наконец дошло до меня. – Пусть увидит, только проживет ребенок не больше дня. Я расстрелял из пушки преследователя, а теперь он даже не родится. Твои гены останутся в этом веке, не оставив потомства!»

Приблизительно так решил я, перебирая в уме арсенал ядов в походной аптечке. Мне не хотелось огорчать радушного хозяина смертью жены, ведь он сразу почувствовал во мне Величие. Не то, что его далекий потомок. Правда, без огорчений хозяину не обойтись. Несомненно придется потерять новорожденного, да только дети сейчас и так мрут, как мухи. Переживет, нарожает еще, но покойник уже не родится. Предка то не будет. Главное, как использовать яд? Придумаю, гений всегда найдет решение. Подмешать зелье в еду или питье роженице не такая уж проблема.

Пробуждение.

– Вставайте, – предложил главврач, снимая шлем. – Вы здоровы. Личность восстановлена почти без изменений.

– Что значит: почти? – спокойно спросил я, вставая с жесткого ложа, но холодок тревоги коснулся сердца.

Я перехватил озорной взгляд Ионы чуть ниже пояса, и за неимением фигового листочка, прикрылся ладошкой. Иона хихикнула.

– Возможно, прихватили что-либо из носителя сознания, – эскулап кивнул на лохматого пса, протягивая больничный халат. – Очень сложно выдернуть одно сознание из мозга, не выдрав отдельные кусочки сжившейся с вами второй личности.

Дворняга увидела, как внимательно за ней наблюдаем. Она радостно вильнула хвостом, подбежала, лизнула руку.

«Хозяин, Ты живой?!»

Врач протянул мне халат, а я в мгновение прикрыл им свою наготу.

И смешинки в глазах Ионы сразу потускнели, все же халат ей не понравился.

– Иосиф, ты помнишь свое последнее задание? – вклинился в разговор Острожский.

– Конечно. Вернуть психа из древней Литвы в дурдом.

– Именно. Тебе придется выполнить задание. Сначала сделаем новое колечко, модернизируем по совету Ионы, – он кивнул в сторону девушки, но я тогда не придавал значения по поводу модернизации «Аладдина». – У нас в лаборатории нет ни одного специалиста по Литве 19 века. Можно, конечно привлечь специалиста со стороны, но подготовка к специфике работы потребует времени. Нам все же приходится не столько копаться в пожелтевших документах давно прошедших времен, но самым непосредственно посещать времена. А они не пожухлые и трухлявые раритеты, а полны сил и весьма опасны. Впрочем, сам знаешь, на собственной шкуре испытал силу и коварство Прошлого. Но ничего, за одного битого двух небитых дают. А более битого, чем ты у нас нет.

Он расхохотался от своей же шутки, похлопывая меня по плечу.

«Если уговаривает вновь работать в прошлом, значит, Муравьев основательно повредил колечко. Получается, мои выкрутасы с предками не расшифрованы. Кто бы пустил на новое задание сеявшего едва не на каждом шагу парадоксы?»

– Можете не уговаривать, я готов вернуться за психом, – тут уж я точно не слукавил. Ранее безличное задание превратилось в потребность, в охоту на личного врага. Интересно, что лежит в корне изменения моих настроений? Месть? Неужели примитивная и давно изжитая моими современниками месть?! Или я заразился чаяниями и настроениями моих предков? Как заразно время, но меня пьянит и радует единство с кланом свободолюбивых Пиотухов!?

– И отправиться за ним необходимо максимально быстро. Чем позже начнешь преследование, тем большим окажется мертвое для наших визитов Поле Времени. А дай сумасшедшему время, и он такое натворит...

– Насколько велик сейчас недоступный зазор во времени?

– Около 3-4 месяцев, и он быстро увеличивается.

– Не просто увеличивается! – прервал Острожского возбужденный глава дурдома. Он часто эмоционально накалялся, когда тема касалась его пациентов. – Мы прочли подсознание вашего бывшего коллеги Муравьева. Он намеренно баррикадируется в начале 19 века и расширяет захваченное Время. Более того, он намерен нас лишить машины времени.

– Разве такое возможно?!

Острожский и главврач в унисон кивнули, но я им все равно до конца не поверил.

– Он хочет изменить Историю, а нас уничтожить! – продолжил главврач, а Острожский поддержал его кивком.

«Ну конечно» – наконец до меня дошло. – Муравьев, обладая современными знаниями, может захватить власть в технически отсталом веке. Он может подвергнуть цензуре знания, и не дать хода открытиям, необходимым для создания машины времени. В умозаключении проглядывался парадокс: он обладает машиной времени, но изобрести ее невозможно?! Но ведь я тоже появился на свет от умершего в младенчестве предка, которого я, можно сказать воскресил?!»

– Я готов остановить Муравьева.

Я действительно не мог позволить какому-то психу переписать Историю, а главное, уничтожить меня. Без путешествий во Времени я не мог вылечить своего предка. И тогда не появился бы я. Так что в основе моего героизма лежал крепкий фундамент эгоизма.

– Мы очень надеемся на тебя, Иосиф. Только будь максимально осторожен, не попади в новую ловушку. Муравьев опасен, он, ты сам убедился, ни перед чем не остановится.

– Не беспокойтесь, уже ученый, – ответил руководству и рефлекторно куснул виртуальную блоху на левом предплечье.

Иона, в который раз хихикнула, в ее глазах вновь вспыхнула шальная искорка и переросла в огромную насмешку, а я густо покраснел. Как жаль, что я не покрыт густой шерстью! А она

увидела неестественный румянец, и он растекся от пяток до макушки, став еще сочнее. Один пес меня поддержал, потерся рыжей головой о колено. Он-то знал насколько приятно щелкать зубами кусачих паразитов. Эх, мне бы собачью невозмутимость.

Литва

Сейчас на Земле один язык и один народ, хотя он и представлен индивидами из разных расовых групп. В Африке и сейчас большинство составляет негроидное население, а в Европе значительно больше европеоидов. Но мы, несомненно, один народ. Меня всегда удивляло, насколько мужественно народы в древности отстаивали свою самобытность. Зачем?! Вот мы слились в одно целое и счастливы. Зачем же столько крови пролили угнетатели и борцы за независимость? Вопрос оставался без ответа. И я опять прыгнул в агонизирующую Литву. Не только за Муравьевым, но и за ответами. Почему один народ уничтожал не только государственность, но и культуру, веру, язык и, даже, название другого народа? Помимо воли я симпатизировал Литве-Беларуси. Наверно потому, что знал: в меня вплетены гены этого древнего народа. А каждый подсознательно влюблен в самого себя, и все плохое и хорошее эгоистично лелеет в себе.

Вынырнул я уже в 1836 году. Раньше никак не получалось. Муравьев стремительно расширял недоступное нам пространство Времени. В Литве свирепствовала реакция. Восстание уже было подавлено, и сейчас все усилия угнетателей направлялись на уничтожение самобытности народа: уничтожали или переманивали православных униатских священников в Московский патриархат, и в храмах все чаще звучали проповеди на чуждом русском языке вместо родного литовского (белорусского) языка. А в 1840 году литвинов вообще переименуют в белорусов, а их язык вообще запретят. А те, кто писал на родном языке, рисковал угодить на каторгу. Даже большинство местных святых оказались под запретом, а их место заняли новые навязанные Москвой.

Впрочем, мое задание в быстрой поимке Муравьева, а не изучение политики в регионе. И чем позже я нейтрализую сумасшедшего полковника, тем больше он натворит бед. Приборы точно указывали, что он не сидит на месте, а скачет по векам, хоть и избрал своей вотчиной 19 век. Что он творит во Времени можно только догадываться, но после каждого такого скачка увеличивается недоступное нам время.

На сей раз, я сменил одежду богатого шляхтича на мундир офицера оккупационной армии. В мое новое кольцо вмонтировали антирадар, не позволяющий определить мое местонахождение в пространстве. Муравьев наверняка уже знает об очередном визитере из будущего, но устроить засаду с пушкой практически невозможно. А пистолет и сабля едва ли пробьют броню, замаскированную под мою кожу.

Модернизированный «Аладдин» нежным голосом Ионы проинформировал о полковнике. У кольца оказался не только тембр, но и насмешливые интонации Ионы. Зачем Острожский пошел на поводу у психиатров, почему кольцо не обезличено, как в прошлый раз?

«В меня ввела программу Иона! – хохотнуло во мне колечко, прочитав последние размышления. – По своему образу и подобию».

Что-что, а именно это подобие сразу внесло нотку нервозности. И я, на интуитивном уровне почувствовал, что тут уж Иона поиздевается надо мной по полной программе. Это же надо: специалистов из дурдома допустили к «одушевлению» машины времени?! Да это все равно, что безропотного джина из сказки об Аладдине превратить в свихнувшегося злобного раکشаса из фантастических легенд древнего востока.

«До полковника осталось около десяти километров», – подсказали виртуальные губки Ионы. Сообщение предельно информационное, но даже несколько простеньких слов имели эмоциональную окраску. Сами догадываетесь, какую. А что тут удивительного, когда в колечке сидит женщина холерик.

Я уже собирался посетить шинок подкрепиться, но вместо этого пришпорил ничем не повинную лошадь. Не пойму, как ей удалось меня разозлить?

Животное заржало, колючко еще раз хохотнуло. Оно-то знало, почему я пустил коня в галоп. А я, совсем распахивавшись, впился зубами в рукав, хоть блохами там и не пахло. Тут уж Ионина программа не просто хихикнула. Но верный пес меня поддержал радостным вилянием хвоста. Хотя один надежный друг бежал рядом со мной. Острожский поручил перебросить собаку в его родное место, не плодить же пространственно-временные парадоксы.

«Да оно издевается надо мной!? Не бывать этому!»

Несчастливая скотина опять заржала, не понимая, почему я ее пришпорил и почти сразу натянул уздечку. А пес в небо сердито гавкнул.

В шинке никого не было, только два шляхтича сверлили меня злыми глазами. Я устроился за самый чистый стол, хоть и без скатерти, но с гладко остроганными дубовыми досками, впитавшими в себя следы множества былых застолий.

Шинкарь, старый еврей, довольно резво подбежал ко мне, предложив не весьма богатый ассортимент питья и закусок. Старик с трудом подбирал русские слова, смешивая их с литовскими выражениями. А я переспрашивал, прикидываясь совсем не знакомым с их речью. Шляхтичи, подслушав наш диалог, отпустили несколько колких замечаний в мой адрес. Шинкарь побелел со страху, крамольные речи доведут до виселицы. А я усердно «не понимал» реплики за соседним столом.

Пил крамбамбульку довольно крепкое, но весьма приятное питье, а тушеное мясо, хоть и нехитрая еда, но идеально совместились с питьем. Не зря отправился в путь на пустой желудок, в мое время даже мясо синтетическое. Синтетика даже в подметки не годится в сравнении с настоящей едой. Даже настырное хихиканье в мозгах не испортило ползущий вверх настрой.

Шляхта перешла на совершенно неуловимый ухом тихий шепот, обсуждая оккупантов, но ушастый электронный помощник не пропустил и полслова из их опасных сплетен.

Я с печалью узнал историю об убийстве униатского священника в соседнем селе. А кто убил? Даже колючко не услышало. На этот вопрос рассказчик многозначительно промолчал, но его товарищи поняли. Публичное сожжение библий Франциска Скорины вызвало сожаление, а что еще мог всколыхнуть в душе нынешний век? Меня по-настоящему интересовало задание, Муравьев, и его тоже не забыли болтливые соседи.

С инспекцией из столицы недавно приехал генерал, и сразу стало жить намного хуже. Но я с первых слов увидел идентичность в генерале и моем убийце-полковнике. Ведь он прослыл колдуном. Его замечали практически одновременно в разных местах, а кто в сей век, без пространственно-временной машины способен на красочно описанные шляхтичами чудеса. В недавней дуэли его мундир изрубил соперник, но сам генерал остался цел, даже капли крови не протекло. Из окон его дома льется колдовской яркий свет, который затмит и сотню свечек.

И дураку понятно, зачем он бежал по векам. Несомненно, из более поздних времен украден электрогенератор с лампочками, броня, подобная моей и еще неведомо что. Он преступно наштапковал свою резиденцию ужасными противоречиями. Он с каждым днем набирает силу и опасность. Сейчас уже генерал, спустя пару лет займет трон императора, а чуток погодя весь мир покорится сумасшедшему. Генерал уже спровоцировал мощнейший парадокс во Времени, и его разрастание способно изменить ход Истории, а то и уничтожить саму цивилизацию, жизнь и, даже, само Пространство-Время.

«Верно, соображаешь, – прочитало мои опасения колючко. – Спешу, герой, пока генерал не натворил непоправимое».

Я бросил на стол серебряный рубль и покинул шинок. Вслед мне старый шинкарь склонил голову в почтительном поклоне. Он взаимно ненавидел русских, но не мог не оценить щедрость клиента.

Генерал.

«Никогда бы не подумал, что бытовые вопросы, так помешают в осуществлении главной цели – захвате власти. Не до власти, когда нет электрокамина, когда пиво отвратительно-теплое, а не из холодильника, когда...

Уже несколько лет топчу века и страны, а всего лишь генерал. Но сейчас мое дело пойдет быстрее, ведь у меня появился электрогенератор, освещение, холодильник, кольт 45-го калибра, – на мысли о кольте, рука погладила мощное оружие. – Конечно, он не пушка, но пробьет бронежилет преследователя. А идиоты из будущего и не догадаются, что я защищен не хуже их».

В зеркале отразился генерал с отлично сидящим мундиром. Никто не догадается о бронежилете под сукном. Особенно нравились заливчатски закрученные по нынешней моде усы, но один ус чуток потерял форму. Специальными щипчиками пришлось наводить порядок, но рука дернулась от неожиданно-пронзительного зуммера.

«Началось!!! Не успокоятся?! Хотят еще одного покойника? Хорошо, пускай Острожский со своей камарильей строгает очередной гроб!» – прокрутилась бравада в голове, но подсознание выплеснуло еще несколько не оформившихся в мысли волн нервозности, неуверенности, а может быть, даже, страха. Но я легко справился с неосознанным бунтом в глубинах души.

Я отключил противный сигнал. Да, несомненно, прилетел гость. Но где он? Стрелка направления сошла с ума, да и цифры расстояния до посетителя из будущего постоянно менялись. Я постучал по прибору, но он по-прежнему «врал».

«Взяли с собой антирадар. На сей раз, они поумнели, но со мной тягаться все одно слабаки».

Генерал нервно прошелся по кабинету, поправил холодное оружие на стенах. Перезарядил кольт и положил его в верхний ящик стола.

«Чего я нервничаю, ведь давно готов встретить нежданного гостя из будущего? Разве есть люди способные справиться со мной? Нет! Я умнее, я все предусмотрел! У меня за спиной поддержка империи, а он – одиночка!»

Я звякнул колокольчиком. Вошел ординарец. Он не успел отрапортовать, как я приказал: – Дом охранять круглосуточно. Посетителей принимать только с моего разрешения. Свободен.

Затем я подошел к своему варианту машины времени. Он, конечно, более громоздок, по сравнению с разработкой Острожского, но не менее надежен. Улыбнулся и включил антирадар.

«Я не знаю, где противник, но и меня найти не просто. Пусть помучается, поищет».

12. Дуэль.

Лошадь с места пустил в галоп, но вскоре сообразил, как бы, не загнать животное, все же не машина, и перешел на легкую рысь. Пес увязался за мной. Это его век, здесь его отпускаю восвояси. Хочет бегать за мной – его дело, он тут хозяин. Но меня радовала собачья привязанность. В конце концов, он мне не чужой. Пожив в собачьей шкуре, и сам сроднился с четвероногим другом, а века тоже оставили свой след в сердце. Говорят, для дружбы надо не один пуд соли вместе съесть. А мы с псом не один век рядом. Время, думаю, круче любой соли. Да что соли?! Мы вообще жили в одной шкуре – не разлей вода.

«Он включил антирадар, – проинформировало кольцо. – Но он создает не очень большое искажение. Помимо того, включена система помех не сразу, я засекла местонахождение Муравьева около минуты назад».

Чем мне нравится модернизированный вариант исполнения кольца, так это своей активностью. Оно не ждало пассивно моих распоряжений, а само активно анализировало обстановку.

– Туда и едем, – приказал вслух, рядом не было ни души. – Корректируй курс.

«Слушаю и повинуюсь, о, мой господин!» – с ехидцей промурлыкало кольцо.

«Ну и стерва ты!» – помимо воли сорвалась мысль, но я забыл: мы с кольцом единое целое на время задания, и нет от него никаких секретов.

«Не стерва, а лучший друг, твоя лучшая половинка, можно сказать: суженая!» – продолжало издеваться в моем сознании насмешливое колечко.

Я лишь скрипнул зубами, пытаюсь выбросить из головы все, что думаю о кольце и Ионе. Но лишь потерял на миг контроль над собой и зло брехал пару раз ввысь. Пес из солидарности поддержал протяжным воем.

«Предлагаю принять лекарство, успокоительное!» – наигранная заботливость звенела в голосе моей «половинки».

«Обойдусь».

Первое кольцо, хоть и не уберегло от ядра из засады, но с ним было на порядок спокойнее. К Иониной начинке у меня проявилась аллергия. Кому понравится копошение электронного механизма в каждой мысли. Я, как был голым на операционном столе для Ионы, так и остались обнаженными все желания перед компьютерной душой. Один пес вел себя настоящим товарищем, и я подсознательно радовался верному спутнику. Жаль, но в будущее я должен забрать лишь сумасшедшего Муравьева, и обязан оставить друга-пса. Не плодить же в Истории парадоксы.

Дом Муравьева легко определялся без подсказки кольца. У порога стоял часовой. Ясно, пост выставят у дома генерала, да и советчица на пальце указала именно сюда.

Ординарец провел к филенчатой двери. Между дверью и потолком крепилась архаичная для моего времени и нереальная здесь камера видеонаблюдения примерно из 20-21 веков. Ординарец постучал в филенку. Бесшумный сервомеханизм слегка повернул телекамеру, направив стеклянное око прямо на меня.

Я послал наблюдателю озорной воздушный поцелуй.

– Впустите гостя, – приказал динамик.

Ординарец перекрестился, открывая дверь. Он никак не мог привыкнуть к игрушкам будущего.

«Да, натворил дел генерал! Я боюсь, что даже пес внесет парадокс, попав в чужое время, а Муравьев ни черта не боится?! Еще пару парадоксов, и что произойдет со Временем?! Изменится История? Оуклится пространство-время, я и так едва протиснулся в этот век? А если парадоксы Муравьева вообще уничтожат Вселенную?!»

«Нечего гадать, мудрец! Напяль смирительную рубашку на маньяка и доставь в дурдом!» – в приказном тоне, женщины иначе не советуют, подсказала Ионина электронная личность.

Меня всего даже передернуло, но волевым усилием заглушил все, что едва не всплыло в сознании. Надеюсь, колечко не добралось до потаенных ниш подсознания.

Дверь за мной почти бесшумно закрылась. На меня насмешливо глядел Муравьев. Над ним сверкала полудюжиной лампочек накаливания люстра из тех же веков, что и система видеонаблюдения. На столе в мониторе бормотал молитвы ординарец. На другом конце стола гонял по комнате воздух вентилятор.

«Чего уставился! – зудела Иона. – Вкати в него ампулу усыпляющего».

Она упрямая, но и я еще никогда не плясал под назойливые дудки.

– Не ждали? – завел, вообще-то бессмысленный разговор, но почему бы не поговорить, все равно беглец в западне. Куда он денется?

– Ну почему же? Давно жду не дожусь посланника Острожского. Хотя не скрою, весьма удивлен вашим воскрешением. Можно сказать, двойным воскрешением.

– Почему же двойным? Ядро меня пробило всего раз.

– Вы, кажется, Пиотух?

– Да. У вас не плохая память.

– Не плохая?! Отличная! Когда я вас увидел мертвым, с вывалившимися потрохами, то узнал вас и решил себя обезопасить.

– Боялись покойника?

– Покойник лучше бы не родился, так еще безопаснее. Я отравил вашего прародителя еще в утробе. Но почему вы опять здесь?!

– Пути Господни и пространства-времени неисповедимы! – я развел руки.

Теперь мне стала понятна смертельная болезнь едва появившегося на свет предка. И может быть, излечив младенца, я не создал парадокс, а ликвидировал его?!

– Действительно не понятно? Впрочем, исправить ошибку никогда не поздно. Или... зачем вам работать на Острожского?

– Вы предлагаете перебежать к вам?

«Предатель, прекрати сговор с преступником!» – истекала ядом Иона.

Конечно же, я не обратил внимания на абсурдное обвинение истеричного характера блондинки. Я уже привык, что в мозгах моего колечка осталась глубочайшая борозда, заложенная прекрасной, но взрывной натурой Ионы.

– Именно. Вы кто у Острожского? Кажется, старший научный сотрудник?

Я кивнул.

– И дорасти, вы сможете до руководителя группы, а в исключительном случае до зама Острожского. Какая смешная карьера.

– Обыкновенная.

– Именно обыкновенная! Здесь же я стану повелителем планеты. Ну а вас поставлю своим премьер-министром или подарю в правление одно из вассальных королевств, а то и целый континент. Вот это настоящая карьера.

– А к власти придется шагать по трупам, как некогда переступили мое тело?

– Через врагов – да, а друзей приласкаю. По методу римлян применю политику кнута и пряника.

Как легко у него получалось? Недавно убивал, а теперь соблазняет подарками. И тут у меня всплыла догадка.

– Муравьев? Муравьев-вешатель – это вы?!

– Какого вы низкого обо мне мнения?! Он то и повесил всего несколько сотен, а мне придется вздернуть миллионы. Но почти угадали, он мой предок.

«Так вот от кого патология маньяка? Через века гены бесчувственного убийцы всплыли».

– Яблочко от яблони...

Муравьев вскочил из-за стола весь красный. Рвущаяся ненависть мешала произнести хоть слово, из его нутра шло одно невразумительное рычание.

– Пора в дурдом, лечиться, – в противовес спокойно добавил я, доставая пистолет со снотворными капсулами.

«Вот это дело, давно бы пора, а то ляды точить!» – порадовалось за меня колечко.

Ампула усыпляющего вонзилась в грудь генерала, но он лишь усмехнулся. В ответ оглушительно рывкнул пистолет, но пуля прошла мимо.

«У него бронежилет!» – несколько запоздало подсказало колечко, о чем уже догадался сам, целясь в шею.

– Как я мог промахнуться с такого расстояния?! – изумился вслух генерал, растворяясь на фоне драпированной шелком стены.

Генерал вновь исчез, а казалось, уже в моих руках. Вторая порция снадобья вонзилась в стену, окрасив ткань темным пятном размером с небольшую монету.

Стрельба заставила ворваться в комнату ординарца и постового. Пришлось усыпить обоих.

«Бежим!» – неопределенно приказал кольцу.

Конь заржал, неожиданно почуяв седока, а собака приветствовала задорным лаем. Мы сразу перешли в галоп, а вслед ухнуло 3-4 выстрела. Одна пуля продырявила мундир, но не справилась с защитой, слившейся с моей кожей. Лишь кожу словно ошпарило, но бок еще долго болел и на нем выскочил почти черный синяк.

«Ты видела, какой у генерала пистолет? Ручная пушка! Попади он, и я – покойник! Просто счастье, что он промахнулся».

«Он не промахнулся. Это я исказила реальность, создала иллюзию. А вообще-то генерал попал точно в сердце твоего виртуального прототипа».

Я вспомнил боль, ужас умирания, и впервые нежно подумал о моем кольце-хранителе и о светлокудрой Ионе, даже, хотелось радостно твякнуть. Но сдержался, не щенок я, в самом деле.

13. Опять погоня.

Уже в лесу прыгнул на землю. В который раз отправился в век лошадей, а никак не привыкну к седлу, в уютном кресле машины несравненно комфортнее трясучего и жесткого седла. Лишившись седока, мой гнедой весело заржал.

– Тихо, уймись, – опасался, как бы нас не нашли преследователи.

«Не бойся, за нами не гонятся».

Словно опровергая Иону, послышался шелест подлеска. Я вытащил из ножен саблю, но сквозь густую зелень выбрался всего лишь пес. Он шумно стряхнул налипшую на рыжие бока лесную дрянь. Оскалился собачьей улыбкой, подбежал тереться о ногу. Он заискивающе повизгивал, счастливо вилял хвостом.

Мы оба сроднились. В нас остались крупинки друг друга, словно у близнецов. Я тоже обрадовался, что пес не потерял меня. И сам бы вильнул хвостом, но меня лишили мохнатой веревки, и я лишь куце дернул задом.

Иона мигом откликнулась на оплошность издевательским смехом, чем перестроила на деловой лад. Глядишь, и блох искать отучит.

«Муравьев далеко?»

«В начале 5-го века. Около Рима».

«Ну и выбрал время? Зачем?»

«Не скажи. В 410 году пал Рим, и в том же году умер разграбивший вечный город Аларих. С чего бы отдать Богу душу молодому и здоровому победителю? В эпохи перемен легче всего ловить рыбку в мутной воде. Муравьев, я уверена, уже не одну рыбешку выудил».

Столь ранние века и Рим не моя специализация, но на сей раз история не обошлась без предков моего рода, западных балтов. А их родословная – мой конек. В грабительских войнах готы и западные балты для общения между собой создали новый язык, славянский. Они приобщили к этому новому языку многие народы, а затем перешли на славянский язык и сами западные балты.

«Тогда вперед, за Муравьевым».

«Но ты не экипирован под гота или римлянина, не знаешь обычаев, языка, даже, нет «легенды»».

«Нельзя медлить. Если генерал там развернется, то его будет труднее выковырять, чем из 19 века. А мы и в нем потерпели фиаско».

«Повторяю, это не твой век и местность. Пусть Острожский отправит кого-нибудь другого, подготовленного».

«Спасибо за советы. А теперь приказ: вперед, в Рим!»

В кольцо хоть и сидел строптивый дух Ионы, но оно не могло не подчиниться приказу.

Лес древней Литвы исчез, но меня окружали все те же деревья, а не городские улицы. Пес тоже изумленно озирался, несколько раз зло гавкнул, пытаясь побороть страх.

«Что это?!» – шевельнулось мало управляемое подсознание, но колечко услышало.

«Рим! – возмущенно орала во мне Иона. – Это сады Цезаря. А тебе хотелось увидеть Форум, Палантин?! Сейчас проедем до Тибра, а там, за рекой будут тебе термы, храмы и прочее».

Через несколько минут лошадь вышла на мост.

«Мост Цезаря», – уподобилась гиду Иона.

Мы миновали остров, а вскоре Тибр и мост остались за спиной. А дальше начался Вечный город.

«Театр Марцелла. Портик Октавии. Цирк Фламиния», – по мере продвижения ворковал во мне голос.

Затем мы миновали Форум, еще несколько храмов, пока колечко не довело до простенькой забегаловки.

Колечко внедрялось в мозги встречающих, создавая иллюзию то всадника, то плебея. На малых расстояниях вбивать в головы мой ложный образ вполне удавалось. Но на значительном удалении у кольца не хватало мощности скрыть мундир и вооружение офицера русской армии первой половины 19 века. Но когда наблюдатель приближался, то протирали глаза и убеждались: необычность наездника ему померещилась. Одно хорошо, люди еще боялись ходить по городу, наверное, опасались возвращения готов. А в городе еще не исчезли их следы: мощенные улицы кое-где окрасились засохшей кровью, брошенный награбленный хлам валялся везде, видимо замененный более ценным имуществом. Грабителям просто не хватало рук все утащить.

Я зашел в злачное место. Кольцо надежно рисовало у всех в древнем кабаке мой новый образ. Это было не внушение, а именно рисунок ложного образа. Он непосредственно посылался в мозг, а реальные сигналы изображения, звука, запаха, осязания стирались.

Реальных денег не было. Пришлось бросить хозяину иллюзорную монету, целый ареус. Хозяин попробовал воздух на зуб, но не нашел подвоха. А кольцу досталась дополнительная работа стирать с моего лица стыд обманщика, оно же подсказало слова заказа, и я как мог, повторил их. С таким произношением, во мне мигом признали бы не всадника, а шпиона. Но колечко мимоходом справилось с оплошностью, откорректировав скверную лексику до вполне приемлемого говора коренного римлянина.

«Лучше молчи, а то весь запас энергии уйдет на реабилитацию речи. Что ты за историк, если латинским языком не владеешь?»

Хоть этот простенький совет электронная Иона подала в язвительной форме, но он утихомирил гордыню. По сути, она права. Дальше я избегал разговоров и просто слушал, что переводила острая на слух Иона.

А говорили больше всего, конечно же, об Аларихе. Говорили: опекун императора Стилихон, хоть и вандал, но сумел несколько лет назад отразить нашествие Алариха, а Радагайса и вовсе разгромил. Но царедворцы убили Стилихона, сами укрылись в отлично укрепленной среди труднопроходимых болот Равенне, а на судьбу Вечного города им наплевать. Проклинали рабов, открывших ворота Рима неприятелю и перебежавших к нему. Говорили о племяннике Алариха Атаульфе.

«Атаульф станет конунгом готов после смерти Алариха», – по ходу дало справку кольцо.

Большинство сплетен вилось не сколько вокруг племянника венценосного предводителя покорителей Рима, а об его правой руке, всемогущем чародее. Ассоциации быстро связали искусного не по времени чародея с беглым сумасшедшим профессором Муравьевым. Не зря зашел в питейное заведение, можно вкусно поесть и заодно многое узнать. Где еще витает дармовая информация обо всем?

Легко предположить, что после смерти Алариха Муравьев займет место второго человека среди всесильных готов. А потом, если помочь умереть Атаульфу, то и первым.

«Аларих умрет вскоре после появления в своем стане Муравьева?» – закралось страшное подозрение.

«Да, вскоре после взятия Рима, в возрасте 34-х лет».

«Умер слишком молодым. Не помог ли отправить конунга к праотцам Муравьев?»

Колечко не подтвердило мои опасения, но и возразить, видимо, оказалось нечем. Оно промолчало.

«Все, – решил я. – Пора отправляться в лагерь готов. Он далеко?»

«Рядом с Римом. Но ты отсюда не далеко успеешь уйти».

«Почему?»

«Мы выйдем за порог. Мои чары развеются. Хозяин сразу же устроит погоню за исчезнувшей золотой монетой, а она обязательно исчезнет с нашим уходом. Значит, гнаться будут за тобой».

«Тогда воспользуемся пространственно-временной щелью, и ты перенесешь меня в лагерь готов».

«Но всякий прыжок в пространстве-времени съедает уйму энергии, а ее почти не осталось. Мы не сможем сразу же вернуться в наше время с Муравьевым. На подзарядку аккумуляторов уйдет около суток».

«Рискнем, – решил я. – В лагере замаскируешь меня под гота. Сутки как-нибудь продержимся».

Я запил кусок мяса тягуче-красным фалернским вином и вышел за порог. Конь встретил радостным ржанием, а пес зашелся в счастливом повизгивании, вилянии хвоста и вычесывании блох о мою ногу. И когда он их успел набраться?

Не успел, как следует приласкать милых сердцу животных, а на крыльце уже сыпал проклятья разъяренный хозяин и за ним теснились пьяные римляне. Они недавно лишились иллюзии граждан всесильного города, властелинов мира и сейчас готовились хоть чуть-чуть поднять растоптанный готами престиж. Ох, как им не терпелось покуражиться надо мной.

«Пора», – приказал я.

«Слушаю и повинуюсь, мой господин!» – подобно джину из волшебной лампы проворковал насмешливый голос, и хозяин забегаловки с огромным тесаком и вся его свора распалившихся сограждан растаяли.

На миг все заволокло густым туманом, но его быстро развеяло. Картинка подвыпивших разъяренных римлян сменилась на лица в стельку пьяных веселых готов и их товарищей в грабежах из иных племенных союзов. Они общались на достаточно понятном мне праславянском языке, понятном также как западным балтам, так и готам.

На первый взгляд в стане царила анархия. Но приглядевшись, заметил построение лагеря по типу римского. Он был окружен валом и рвом. Внутри прямые ряды улиц с палатками для воинов.

«Для победы над цивилизованной армией пришлось перенять ее военное искусство варварам, а отвaga и стимул к грабежу у них в крови», – оценил фортификационные достижения разноплеменных завоевателей.

Я стоял на площади заполненной ушедшей в веселый транс вооруженной толпой, а в центре площади стояла палатка полководца. Там наверняка располагался Аларих и его приближенные. Скорее всего, там и Атаульф с неуловимым Муравьевым.

Кольцо подтвердило мою версию: – «Беглый сумасшедший профессор в палатке предводителя готов».

Еще сам не осознав зачем, протиснулся сквозь хмельную толпу, пока не уперся в свирепых огромных постовых. Пройти и пытаться не стоило, и так ясно – не пустят.

«Что там происходит?»

«Слишком много шумят вокруг палатки, но постараюсь отсеять лишнее».

«Ты уж постарайся, а иначе, зачем ты мне нужна?» – подтрунил над колечком наподобие Ионы. Плохое быстро перенимается. Сначала собачьи привычки, а теперь язвительность Ионы.

«Аларих говорит: Рим обобран до нитки, нет смысла дальше стоять у города лагерем. Атаульф, ты как считаешь?»

Атаульф отвечает: давай сначала посоветуемся с моим прорицателем, он творит чудеса и видит наперед. Это он предложил привлечь на нашу сторону рабов, они открыли ворота Рима, в значительной степени обеспечив нашу победу.

Аларих: что посоветуешь, колдун?

Муравьев (это точно Муравьев, я четко распознала его тембр голоса): после падения Рима, весь мир трясется в страхе. Направь армию на Равенну, сейчас она будет сговорчивей. Равенна отдаст тебе все золото за обещание не грабить город. Им придется согласиться, так говорят звезды.»

14. Колдун.

«Аларих мне не помощник, слишком независим. Вот Атаульф совсем иное дело. Будь он правителем, он бы и не догадался, что все его решения нашептаны мной».

– Эй, колдун, где твоё зелье? Неси быстрее.

– Уже, уже несу.

«Еще пять капель, для надежности. В вине он не почувствует горечь яда».

– Выпей до дна, – я протянул Атаульфу золотую чашу.

Аларих диагностировал мою совесть колючими глазами не хуже рентгена и отстранил напиток.

– Сам отпей.

Я пригубил, потом под его тяжелым взглядом отпил еще пару глотков, затем вернул отравленное вино.

– Пей, кашель быстро пройдет.

Аларих, все еще не веря мне, медленно пил свою смерть. Откуда ему знать, что на все яды я имею антидот. Антидот для яда Алариха я проглотил еще вчера. Так что, жить великому конунгу осталось месяц-другой, а я не почувствую даже расстройства желудка. И умрет он внезапно крепким и сильным 34-х летним здоровяком. А кто свяжет смерть предводителя готов и давно забытый невинный напиток против простуды?

Я уже смаковал будущее правление совместно с Атаульфом. Но трезво представлял, какой обузой в моих гениальных планах вскоре станет и Атаульф. И мечты переключились на избавление от него и подтягивание власти к себе над всеми воинственными племенами. Мечты явственно рисовали передачу Равенной всей власти мне над Римской империей, а это ключ к правлению всем миром.

Так вот, не успел в мечтах испытать счастье своего могущества на вершине абсолютной власти, как в ухе пропищал зуммер.

«Опять погоня?! Как они мне надоели!»

Сигнал в ухе предупреждал около часа назад, но я думал, прибор случайно сработал. По край мере, тогда радар не сумел засечь незваных гостей из будущего. Сейчас же стрелка наручного радара бешено вертелась, уверенная – гость рядом, но не могла справиться с направлением.

«Глушит сигнал! – без особого напряжения мозговых извилин понял я. – Но коль прибор вопит о посетителе, значит он совсем близко, в лагере. Власть была почти в моих руках. Еще чуть-чуть и я бы построил технологически развитую мировую империю. Империю, огражденную от ищеек из будущего. Неужели придется опять бежать? Куда? Лучше ситуации осуще-

ствить задуманное не будет, так стоит ли отступать? Нет, уничтожу назойливого охотника и закрою в панцирь Время! Больше никто не проскочит в мой век. И щелочки не оставлю – не просочатся не проползут!»

Аларих вытер рукавом губы от кровавых капель отравленного вина, все еще подозрительно покосился на меня, но обратился к Атаульфу.

– Рим обобран до нитки, нет смысла дальше стоять у города лагерем. Атаульф, ты как считаешь?

– Давай сначала...

15. Встреча.

Полог палатки распахнулся, пропуская Муравьева. Его мало кто бы узнал без генеральского мундира, но умное колечко не обманулось медвежьей шкурой на плечах экс-генерала и черепом медведя вместо шлема. Я уже догадался о переквалификации генерала в придворного колдуна, но не ожидал настолько убедительного перевоплощения. На груди колдуна и прорицателя висело ожерелье из огромных медвежьих когтей, а в левой руке внушительный дубовый посох. Он прощупал злющим взглядом хмельных готов, весело гогочущих прямо у палатки конунга.

«Прячь меня, Иона, прячь!» – как-то съежился под двумя сверлящими бегающими по лицам глазами сумасшедшего.

«Не дрейфь, герой, в вещмешке есть пакет памперсов, – Иона противно расхохоталась, но сразу добавила чуть серьезнее. – Генерал твое лицо не узнает, я позаботилась. Только веселись, как все, а то и слепой выделит белую ворону из стаи».

Я сразу же сверкнул двумя рядами зубов в улыбке дуралея, а глаза продолжали напряженно следить за колдуном.

«Расслабься, не прессуй Муравьева глазками. Он определенно знает о нашем присутствии в лагере. Вживайся в образ гота-победителя, а то он тебя вычислит и распнет, четвертует, отравит. Представляешь, он казнит придурка, а не ты упрячешь генерала в дурдом. Не забывай, нам необходимо сутки продержаться в тени, пока аккумуляторы не подзарядятся. С пустыми аккумуляторами ты практически беззащитен».

Хорошо еще, что колечко черпало энергию не из электросети (в древнем Риме электрогенераторов не было, если их только не успел украсть из более поздних веков Муравьев), а из источников тепла. Оно впитывало солнечные лучи, тепло костров и тела. Сейчас оно усиленно высасывало энергию из меня, даже палец едва не замерз, а кожа немного посинела.

Муравьев грубо отпихнул одного из охранников, несколько загородившего путь. Вольнолюбивый гот схватился за рукоять меча, но все же унял вспышку гнева. А колдун, не обращая внимания на страсти охранника за своей спиной, шел прямо на меня. Я благоразумно отступил на шаг в сторону, продолжая глупо скалиться. Правда Иона преобразила напряженную дурацкую ухмылку в пьяную, а неестественно идеальные зубы в гнилые и кривые. Злой колдун прошел мимо, огрев моего Тузика посохом. С подачи Ионы я все чаще пса именно так называл, и он отзывался. Правда, он отзывался на любую кличку, как бы ни назвал дворнягу.

У пса, готового вонзить зубы в беглого сумасшедшего ученого, вздыбилась шерсть на загривке.

«Это он, убийца!» – узнал Муравьева пес.

– Р-р-р!!! – плескалась грозная ненависть в собачьей глотке, но я успокоил гнев одним ласковым прикосновением к рыжей голове.

Глаза Тузика миготом сменили выражение и интенсивно излучали преданность, а, чтобы я не сомневался в искренности пса, он лизнул мою руку.

«Неразлучная парочка! – хихикал в черепе девичий голос. – Даже вся твоя мудрость умещалась в бездомной дворняге. Умный песик, ты даже научил Иосифа искать блох. А у него хватило ума передать тебе хоть крошечку чего-нибудь?»

В ответ на Ионины подтрунивания псина пару раз брехала в мою защиту, словно слышала речь кольца. А может быть, действительно слышала?

16. Ночь.

Все места в палаточном лагере строго расписаны среди захватчиков, для меня места нет. А ночевать в проходах между палатками опасно, привлеку внимание стражи или просто напросто затопчут. Вот и, став по моему хотению и колечка велению невидимым, вошел в просторную палатку Алариха. Прилег в пустом углу и мигом захрапел, а Иона, хоть и чертыхалась, но камуфлировала мои рулады под мышиную возню. Правда ее конспирация совсем не понадобилась, ибо конунг и все его слуги крепко спали, сладко сопя, мощно храпя, отдавая боевые команды в мире сновидений.

Муравьев нервно отбросил полог своего хоть и небольшого, но отдельного шатра.

– Да будет свет! – властно, словно актер в роли грозного правителя, приказал он.

Автоматика сработала вспышкой стоваттной лампочки. Подобные фокусы давно позволили бывшему генералу занять место первого придворного колдуна в стане завоевателей Рима. Но раньше радовавшая душу, рассчитанная на театральность автомата, сейчас лишь раздражала. Посетителя грядущих тысячелетий можно в большем случае рассмешить волшебством лампочки накаливания, и Муравьева не обманывала анекдотичность его дутого величия.

Муравьев проверил приборы. Несомненно, охотник за его душой прибыл. Но где он? Стрелка, как он ни постукивал по радару, равнодушно молчала. Ну, ладно, я тебя не вижу, но и ты меня не найдешь. Так решил бывший профессор лаборатории Времени, совершенствуя антирадар. Конечно, Муравьев понимал: его уже засекли, знают кто он в этом мире, а найти любимого колдуна Атаульфа проще некуда. Но, что-либо решив, настоящий ученый всегда доводит до конца. И когда радар на него тоже перестал реагировать, придворный колдун отложил новый прибор. Но удовлетворение не пришло. Что-то в нем свербело, не давало уснуть.

«Кольцо!!!» – внезапно прорвалось в полудрему озарение.

Память колдуна явственно рисовала такое же кольцо на пробитом ядром сотрудинке Острожского. И такое же украшение на уже ожившем госте из будущего, когда он, Муравьев, еще был русским генералом. И еще собака. Собака рядом с недоумком возле палатки Атаульфа. Копия такого же рыжего пса искусила мне ногу. Да нет, не копия, а именно тот же пес. Уж кого, но эту зубастую тварь он запомнил на всю жизнь.

«Но почему пришелец не выдернул меня из Времени? Ведь я прошел рядом с ним, в зоне действия кольца. Что-то у него не склеилось?! У него разрядился Аккумулятор! Несомненно, это единственное объяснение пассивности охотника. Значит, он сам беззащитен, теперь посмотрим кто охотник, а кто дичь! Поднять тревогу?! Но Аларих за самоуправство любого сотрет в порошок, даже его племяннику, Атаульфу не поздоровилось бы. Ничего, как-нибудь оправдаюсь».

– Тревога!!! – орал в ночь колдун, выискивая врага мощным лучом переносного прожектора, водя им вдоль улицы между палаток.

– Ищите рыжего пса и его хозяина! – кричал выбежавшим из палаток воинам. – Хватайте любого незнакомца. Он отравил Алариха.

«Заодно есть на кого списать будущую неожиданную смерть здоровяка конунга», – смекнул подлый колдун.

«Вставай! Вставай! Тебя Муравьев ищет», – прорвался в это же время вопль Ионы в мой сладкий сон.

Я перевернулся на другой бок, промямлив нечто малосвязанное по поводу наглых колец, не дающих и ночью покоя. И нежно засопел, переходя на легкий храп.

«Проснись, лентяй и лежебока, если не хочешь встретить свой последний рассвет на колу, в петле, в кипящем масле, на дыбе...»

Не знаю, сколько бы еще длилось предсказание ближайшего и весьма недолгого будущего, но Ионин прогноз никак не вплетался в сюжет с нежными объятиями белокурой красавицы во сне. А когда она меня грубо отпихнула, и нежные губки вместо поцелуя огласили перечень мучительных казней, то, конечно же, проснулся.

«Неужели нельзя было оставить меня невидимым? Не дала доспать до утра!» – спросонья обиделся я.

«Но как мне одновременно прятать тебя в палатке и твоего пса и коня снаружи? Твои животные вне моей зоны досягаемости, а по ним не только Муравьев, но и любой недотепа смекнет, где ты прячешься».

«Что же делать?»

«Бежать! Бежать, пока не поздно из лагеря. Пока не зарядятся аккумуляторы, ты беззащитен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.